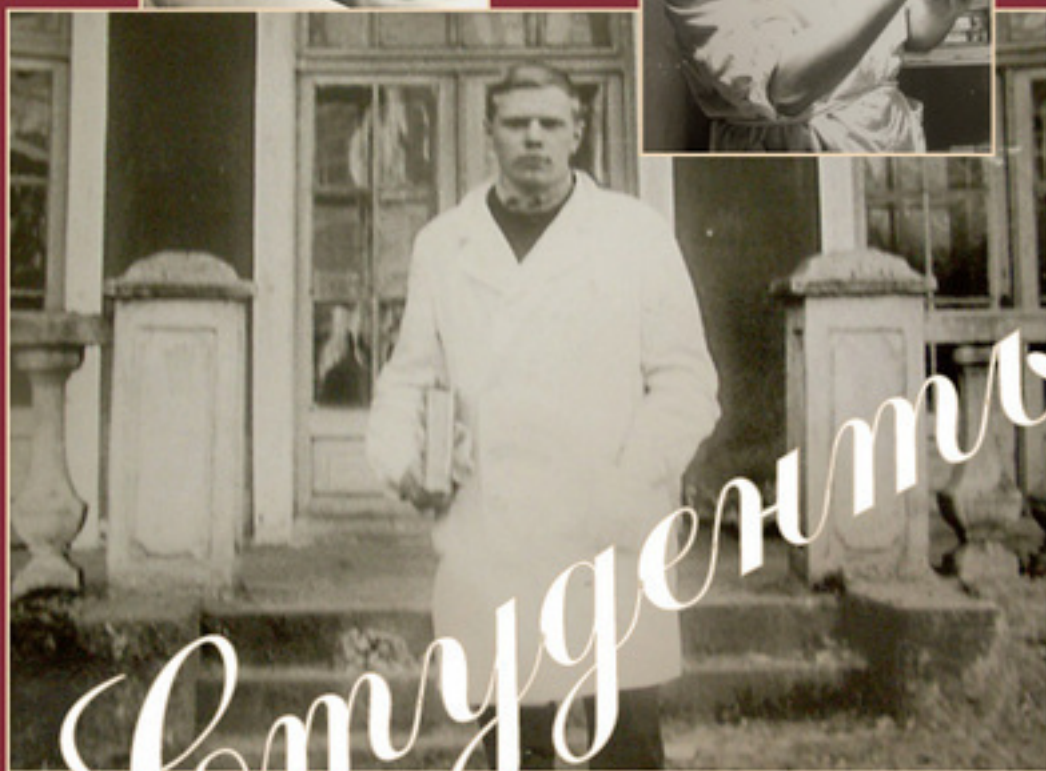

А. Аргунов

Смугден

Студенты

Анатолий Аргунов
Студенты. Книга 1

«Астерион»

2008

Аргунов А. В.

Студенты. Книга 1 / А. В. Аргунов — «Астерион»,
2008 — (Студенты)

«Роман Анатолия Аргунова рассказывает о жизни ученого и врача. Лежа на больничной койке, он вспоминает о прошлом – учебе, любви, дружбе, карьере, переосмысливает некоторые поступки и события. Роман во многом перекликается с судьбой автора. Жизнь студентов, о которой пишет автор, прослеживается с конца 60-х годов XX века и продолжается в настоящих поколениях – студентах XXI века. Века нанотехнологий, новых открытий во всех сферах человеческого бытия. Но студент – во все времена студент. Переживания и поступки героев, отраженные в этой книге, будут интересны и нынешнему поколению студентов и читателей. Все они поступили в один из лучших медицинских институтов страны – во Второй Ленинградский. Тайная мечта Саввы стала явью. Он ещё не верил, что стал студентом, что будет жить в большом красивом городе, учиться у самых знаменитых профессоров и даже жить на территории института...»

© Аргунов А. В., 2008

© Астерион, 2008

Содержание

Глава 1. Сиреневый туман	5
Глава 2. Утраченные иллюзии	20
Глава 3. Случайность и закономерность	25
Глава 4. Везёт дуракам и тем, кто трудится	31
Глава 5. Человек предполагает, Господь располагает	37
Глава 6. Брат мой Лёшка	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Аргунов

Студенты. Книга 1

Серёже Козлову – моему однокурснику посвящаю

Глава 1. Сиреневый туман

* * *

Савва стоял и плакал. Слезы сами текли по его гладко выбритым щекам, оставляя на них тонкие, блестящие на осеннем солнце влажные полоски, и капали на белоснежный воротничок рубашки. Но Савва не замечал ни своих слёз, ни редких прохожих, оглядывающихся на хорошо одетого плачущего мужчину. Одна сердобольная женщина остановилась:

– Вам чем-нибудь помочь?

Савва покачал головой:

– Нет, не надо.

Женщина пожала плечами и пошла дальше.

Со стороны это действительно могло показаться странным: около старинного строения с большущими полукруглыми окнами стоял солидный мужчина в дорогом светлом костюме с бледно-розовым галстуком и плакал. Посвященные знали, что в этом доме находится институтская библиотека. Однако никаких памятных досок или особых знаков отличия, которые могли бы служить причиной и объяснением грустных воспоминаний Саввы, на стенах здания не было. Поэтому всем было странно видеть одинокого плачущего человека возле окон обычной библиотеки.

«Чудит народ», – подумал пробегающий мимо Саввы молодой парень, только что сдавший вступительные экзамены в институт и превратившийся из абитуриента в полноправного студента. На радостях ему казалось, что все должны разделять его счастье, а тут прямо по курсу плачущий истукан.

Но Савва не чудил. Он плакал от нахлынувших на него чувств и просто не замечал своих слёз. Сорок пять лет назад он вот таким же счастливым пареньком бежал по той же дорожке к зданию, где было студенческое общежитие. Что там было сейчас он не знал, а тогда общежитие занимало первый этаж огромной исторической постройки, которая располагалась прямо на территории института, справа от центрального входа. Такое же по архитектурной форме, но небольшое, в два этажа с колоннами, здание ректората располагалось напротив их общежития с другой стороны дороги. Окна обоих строений выходили на густой, заросший деревьями, кустами сирени и акации институтский сад.

«Ничего не изменилось, – подумал Савва, оглядывая сад и здания. – Разве что асфальт новый положили да покрасили корпуса в ярко-кирпичный цвет, а проёмы окон выбелили белоснежной известью». «Наша десятая комната была угловая», – вспомнил Савва, внимательно всматриваясь в окна. – «Да, вот те два самых больших окна – это и есть наша бывшая комната. Сколько же нас там было? Кажется, тринадцать... Да, точно, тринадцать гавриков», – констатировал Савва мысленно. И волна памяти откинула его ровно на сорок пять лет назад.

* * *

Все они поступили в один из лучших медицинских институтов страны – во Второй Ленинградский. Тайная мечта Саввы стала явью. Он ещё не верил, что стал студентом, что будет жить в большом красивом городе, учиться у самых знаменитых профессоров и даже жить на территории института. «Невероятно, но факт», – как сказал бы его учитель физики Исаак Моисеевич Ройтман по прозвищу Дизель. Не любил он Савву. Но не считаться с талантами этого голубоглазого нахального парня Дизель не мог: школьные олимпиады мальчишка выигрывал, как орехи щёлкал, а на физкультуре в длину сиганул аж на пять метров, оставив позади всех именитых спортсменов школы. Да что там прыжки! При его-то росте – 174 см – заиграл в баскетбол, да так, что двухметровый гигант из параллельного девятого «А» класса Сашка Матюхин прохрипел, в изнеможении падая на скамейку: «Дьяволенок, а не парень! Смотрит мне в глаза и обводит, словно всю жизнь учился этому. А кидает по кольцу, подлец, почти не целясь. Странно припрыгнет, будто не мяч у него, а тяжёлый булыжник, и прямо в корзину. И без промахов, будто заговоренный у него мяч...»

Дизель смотрел со стороны и хлопал глазами: не мог понять, откуда у этого худошавого белобрысого паренька столько энергии и удачи. Сам по себе, как говорится, никто и звать никак. Родители простые работяги. Отец, правда, железнодорожник, составы поездов водил; мать работала на местной фабрике разнорабочей. Один брат инвалид детства, второй учился у Ройтмана с четвёртого по седьмой класс – по два захода на каждый, едва семилетку одолел. Говорят, где-то в Питере в ФЭЗ(у) пристроился, окончил, а теперь в армии служит. Сестра ещё чище: кое-как окончила несколько классов и из школы ушла, не захотела больше учиться и всё тут. Как родители ни уговаривали – ответ один: не даётся мне учеба. Так и решили, что пусть она дома сидит, хозяйством занимается.

А этот Савёнок тихой сапой окончил восемь классов, без шума и апломба поступил в Волховский алюминиевый техникум. Говорят, все экзамены сдал на отлично, но учиться не захотел: понял – не его это дело, и вернулся обратно в родные пенаты. Решил учиться до конца в школе и подал документы в девятый класс, но не поселковой школы, где он учился до этого, а железнодорожной. Отец был железнодорожником, и Савва имел преимущественное право здесь учиться. Но он припозднился, пока забирал документы из техникума. Школа оказалась переполненной. Учащихся в ней было больше тысячи вместо семисот положенных. Школа работала в две смены; одних девятых классов оказалось три, по сорок человек в каждом. Исаак Моисеевич был завучем и не согласился принять опоздавшего к началу учебного года нового ученика. Пусть, мол, идет в поселковую школу, там некомплект, а мы переполнены.

Но паренёк оказался настойчивым: «У меня отец железнодорожник, имею право учиться в этой школе! Да и ближе мне сюда, чем в поселковую топать». Дело дошло до директора. Лев Абрамович, мудрый человек, посмотрел на отметки за экзамены в техникуме, покачал головой:

– Да ты, я смотрю, не в брата своего? Это хорошо. Учиться, значит, у нас хочешь?

– Хочу, Лев Абрамович, – ответил паренек уверенно.

– Зачисляйте, Исаак Моисеевич.

– Куда?

– В девятый «В».

– Да там уже больше сорока человек, сорок два, если точно.

– Значит, будет сорок третьим, – ответил с улыбкой директор. – Кто знает, может он – Савва Мартынов – будет когда-нибудь гордостью нашей школы.

И не слушая возражений завуча, тяжёлой походкой немолодого и грузного человека зашагал к себе в кабинет.

Так Савва оказался в школе, где когда-то учились его старший брат и сестра. Но несмотря на их невысокий рейтинг популярности среди преподавателей, Савва быстро всем доказал, что он есть он, а не они, пусть даже близкие ему люди, и словно попросил никогда больше к этой теме не возвращаться.

Учился он легко, но всем казалось, как-то неосновательно. Учителя, видя его способности, ставили хорошие отметки, непременно добавляя – мог бы на пятёрки заниматься, побольше бы тебе, Савва, внимания и старания. Но Савва был доволен собой: не отличник и не троечник, крепкий середняк. И этим гордился. Никто не пристаёт – ни учителя, ни ребята. В таком виде он всех устраивал. К тому же оставалось время для спорта. Не было ни одной секции в школе, куда бы он не записался. И все ему давалось легко: будь то бег или лыжи, прыжки или баскетбол. Не хуже других он играл в волейбол, а в футболе ему не было равных среди нападающих. Как ни матч – гол в ворота обязательно забьёт.

Девчонки влюблялись в него за спортивность, целеустремленность, умение непринужденно учиться и не вступать ни в какие тусовки. Савва был сам по себе, с ребятами не ссорился, поддерживал ровные отношения со всеми. Но в душе оставался человеком легко ранимым, чувствительным и очень обидчивым. Любое не только слово, но и недобрый взгляд в его сторону он воспринимал как унижение, оскорблялся и сразу же замыкался в себе. Но вида не показывал. Он ещё с раннего детства получил прививку против взрослой несправедливости и детской жестокости. Его, как самого младшего в семье Мартыновых, соотносили с братьями и сестрой. Так и говорили: «Этот Савва беленький тоже “того”, как и его родня», – и крутили пальцем у виска.

Сначала Савва сильно нервничал, даже пытался драться с обидчиками. Но потом понял, что лучший вариант – доказать всем, как они неправы. А для этого надо хорошо учиться, закончить институт и стать знаменитым, чтобы тебя все уважали. Не знал он тогда, что быть знаменитым не очень красиво, но мечта детства была его путеводной звездой долгие годы жизни.

Тогда же он просто был мальчишкой, который поставил себе цель доказать всем, что он не тот, как о нем думают и как его видят. Со стороны это могло показаться бахвальством и раздражало многих взрослых, которые не могли взять в толк, чем берет этот паренек. Почему за ним всегда тянулся ореол таинственности и каких-то неординарных поступков – они не понимали, завидовали, а при случае мстили.

Добавила славы Савве стычка с самим Русаном – великовозрастным верзиллой и местным авторитетом. Русана давно исключили из школы; он попал в колонию для несовершеннолетних за воровство. И вот теперь, вернувшись из зоны, стал он править местной молодежью. И если в школе были свои немногочисленные вожаки, то в вечернем посёлке бал правил Русан и его команда таких же, как он, хулиганистых ребят. На каждой улице свой «бугор», старший.

Савва жил не в самом посёлке, и даже не на станции, а чуть подальше – в нескольких километрах от неё, на небольшом полустанке с названием «207-й километр». Поэтому он ни в какие группировки не входил и считал себя свободным от всяких разборок между ними. И ребята до поры до времени его не трогали: парень не лезет на рожон, спортсменов, за девиц не цепляется. Пусть себе летает. Нас не трогает, и мы его не будем. Но жизнь – она всегда гораздо сложнее и оказывается разнообразнее, чем мы её себе представляем или видим каждый день перед собственными глазами.

Всё случилось как-то вдруг. На одном из школьных вечеров Савва познакомился с очень милой, одетой в аккуратно подогнанную форму с белым воротничком девушкой из восьмого класса. Знакомые и друзья звали её Никой, хотя полное имя было Вероника – Вероника Смолина. Фамилия и имя как нарочно соответствовали её внешним данным: тёмно-рыжие выющиеся волосы копной спадали до самых плеч и на концах были собраны в небольшие косички с бантиками, едва заметными из-за густоты волос и их завитушек. Смуглое от природы лицо, большие болотного цвета глаза, прямой носик и пухлые яркие губы на гордо посаженной голове

и не по-девичьи слегка пышноватый торс. Вся её стройная фигура в скромной школьной коричневой форме с чёрным передником и вязаным белым воротничком свидетельствовала о её независимом характере.

Савва, когда увидел Нику, стоящую с подружками у стены актового зала, где проходил «Осенний бал» для старшеклассников, сначала не поверил, что бывает в реальной жизни такая красота. Он на минуту даже закрыл глаза от удивления, а когда открыл, увидел, что Ника обратила внимание на него; их взгляды пересеклись. Этого было достаточно, чтобы вспыхнула искра нового для них чувства, молниеносная волна из мелких частиц материи, именуемых материалистами электронами, а идеалистами и безбожниками – чувством, пронзающим сердца.

Улыбнувшись в ответ её взгляду, Савва сделал шаг вперёд и галантно пригласил девушку на танец. Ника словно всю жизнь ждала этого момента. Она тоже улыбнулась и шагнула ему навстречу. Волна новых ощущений захлестнула Савву. Он не помнил, как танцевал, хорошо или плохо, запомнил лишь лёгкое прикосновение её тела и нежный девичий запах. Ему показалось, что танец длился целую вечность, а он молчал, трепетно вдыхая терпкий запах её волос от слегка склонённой к его плечу головы.

Наконец танец закончился. Савва подвёл Нику к подружкам и едва слышно прошептал: «Спасибо». И когда Савва словно во сне подошёл к своей компании, за спиной он услышал хриплый прокуренный голос Женьки Жуковой из его класса:

– Вишь, каким робким прикидывается, прямо ангелок! Да не верь ему, Ника, он всех девок на своём 207-м километре перещупал, теперь до нас добирается.

Савва резко повернулся, чтобы дать отпор, но увидел только удаляющуюся спину Женьки и, встретившись с весёлым взглядом Ники, ничего не ответил, махнул рукой и ушёл из зала. Больше в тот вечер они не танцевали.

Савва, обидевшись на Жукову, весь вечер провел в своём классе, с такими же, как он, парнями без девушек. Они играли в шахматы, дурачились, скакали через скамейки от парт. В общем, делали вид, что им весело и девушки им нипочем не нужны. В класс вошёл Дизель. И язвительно заметил:

– На школьном балу нужно танцевать, а не мозги заряжать, – и многозначительно прошептал от двери класса к своей комнатке, расположенной за столиком учителя и служащей лаборантской.

По дороге, остановившись у играющих в шахматы Саввы с Лёхой, Дизель хмыкнул, посмотрев на позицию чёрных:

– Проигрываем?

На что Савва ответил:

– Не думаю.

– Ну-ну, – опять хмыкнул Дизель и, зайдя за стол, хлопнул дверью лаборантской.

Ребята тихо вздохнули: чего бродит, чего вынюхивает? Кто-то из ребят подскочил к двери, за которой скрылся завуч, и, приложив ухо к двери, радостно прошептал:

– Ушёл через запасную дверь.

Савва, не отрывая глаз от шахматной доски, спросил:

– А чего шепотом-то?

В классе дружно загоготали, непринуждённая атмосфера снова завладела всеми. Несколько раз в класс заглядывали девчонки, как бы невзначай.

– Ребята, чего здесь сидите? Шли бы танцевать!

На что Колька Лукин, матершинник и хулиган, метко замечал:

– С кем танцевать? Не с вами же, кикиморами!

– Фи, – кричали те в ответ. – Кавалеры нашлись! В рваных носках! – больно уколол Кольку, вечно ходившего в заштопанных носках.

Заскочила и Женька Жукова с подругой Настей Волохиной. Та была жгучей брюнеткой с яркими выразительными глазами, похожими на чёрные оливки. Подойдя к своей парте, они уселись, словно не замечая ребят, и о чём-то стали шептаться. При этом обе дружно «взрывались» гомерическим смехом через каждые две-три фразы, сказанные друг другу на ушко.

– Нельзя ли потише? – недовольно спросил Лёшка Гринин, усиленно обдумывая вдруг осложнившуюся партию с Саввой.

– Класс не купленный тобой, а наш. Что хотим, то и делаем, – не прерывая своего шептания ответила Женька. – Ехали бы к себе на 207-й и играли бы там под стук колес, – добавила она, и обе подружки снова залились смехом.

Савва поморщился и предложил ничью. Лёшка посмотрел на него:

– Ты же выигрываешь?!

– Да ладно, все равно не дадут спокойно доиграть.

– Ладно, – согласился Лёха. – Ничья меня устраивает.

И пожал Савве руку. Но Женька словно ждала этого момента. Она вдруг повернулась всем корпусом, и её красивое личико скривилось в гримасе:

– Не радуйся, Гриня, это он со страху проиграть ничью предложил. Он всегда так – где трудно, оттуда бежит.

Савва аж весь изменился в лице. Он побледнел, голубые глаза сделались тёмно-синими. С ним всегда так бывает, когда нужно что-то решительное сделать. Но Лёшка схватил его за руку:

– Савва, да брось ты её, дуру! Она ничего другого и не умеет, кроме как пакости говорить, – и, взяв Савву под руку, потащил его к двери. – Пойдём, подышим свежим воздухом.

– Давайте, дуйте! – послышался за их спинами голос Жени Жуковой и смех Настасьи Волохиной.

Выйдя на крыльцо школы и вдохнув свежего октябрьского воздуха, Савва успокоился. Посмотрел на часы – без четверти девять. «Поезд ушел, – подумал он. – Придётся пешком, по шпалам. А так не хотелось бы. Да ладно, не привыкать». Он накинул взятую в гардеробе курточку, пошёл в школьный парк и по тускло освещённой дорожке направился к выходу.

Уже у выхода Савва слышал за спиной какой-то странный звук, словно кто-то с придыханием бежал за ним. Резко развернувшись, он сделал шаг в сторону правой ногой, инстинктивно защищая себя. В ту же секунду он увидел летящую на него тень человека. И только стремительный разворот тела спас Савву. Чёрная тень всей массой пролетела мимо, лишь зацепив руками шею Саввы. Но Савва, наученный опытом, не мешкая, решительно ударил свободной рукой повисшее на его шее тело, стараясь попасть в поддых. Удар пришёлся в цель. Человек-тень охнул, опустился на колени, разжав руки на Саввиной шее. Этого было достаточно, чтобы Савва пришёл в себя и приготовился к очередной атаке. Мрачная тень человека поднялась с колен и вскинула руку, в которой блеснула яркая полоска металла.

«Нож!» – жгучая мысль пронзила Савву. Он сотни раз отбивал атаки своих сверстников, дерущихся с ним на деревянных самодельных мечах и ножах. Однако тут другое дело. Страх не было, лишь какой-то внутренний голос ему внушал: «Не спеши! Внимательно следи за этой полоской металла».

Чёрный человек, не говоря ни слова, медленно пошёл на Савву. Нож снова явственно заблестел в луче света от фонаря. Сдвинутая на глаза кепка и падающая от козырька тень скрывали лицо нападавшего. Теперь, оправившись от удара, человек-тень сделал резкий выпад вперёд и взмахнул ножом, целясь прямо в шею Саввы. Внутренний голос подсказал Савве: «Бей ногой!» И Савва, не задумываясь ни секунды, резко и сильно ударил ногой по руке с ножом, падая на спину, как при игре в футбол, когда он забивал голы «через себя». При падении Савва успел заметить, что выбил своим мощным ударом нож и тот, описав дугу, упал где-то далеко. Человек-тень, вскрикнув от боли, всей массой упал на лежащего Савву. Мальчишку снова спас футбольный опыт. Сделав кульбит, Савва со всей силой врезал головой в лицо нападавшего на

него человека. Тот, отлетев метра на два, дал Савве возможность вскочить на ноги, и он, не вдаваясь в детали происходящей борьбы, бросился бежать со всех ног...

Убегая в темноту промозглой осенней ночи, Савва ни о чём не думал – не было ни мыслей, ни чувств. Ноги несли его сами по себе. Стремглав пролетев школьный сад, он выскочил на слабоосвещённую улицу поселка и бросился вдоль нее. Единственное, чего он хотел – поскорее скрыться с того места, где произошла стычка. Наученный горьким опытом мальчишеских драк, он прекрасно знал, что все шишки достаются тому, кого застукают на месте драки. Никто не будет разбираться, прав ты или нет. Участвовал, застали – значит, виноват, со всеми вытекающими последствиями. Приглашение родителей в школу, объяснительная директору, разговоры и осуждение соседей... Ничего этого Савве никак не хотелось. Он подумал, что нападение на него было случайным. Кто-то, находясь не в духе, решил припугнуть первого встречного и при удаче отнять кошелёк, но просчитался. Савва оказался крепким орешком. К утру это недоразумение рассосётся и никто больше, кроме него самого, не будет об этом знать.

Но не тут-то было. Когда Савва сбавил скорость, мелкой трусцой засеменил вдоль улицы и оглянулся, он заметил, что чёрная тень человека преследует его вновь. Она значительно отстала, но двигалась по его следу.

«Ничего себе, – подумал Савва, – крепкий парень, раз смог меня догнать. Нужно принять что-то неординарное. Судя по всему, сил у него побольше будет, чем у меня».

Савва прибавил в скорости, чёрная тень тоже. И тут Савва применил свой излюбленный приём, которым пользовался, играя в детстве в прятки: спрятаться не далеко, а просто, чтобы искавшему и в голову не пришло, что здесь можно спрятаться. Савва поравнялся со столбом, на котором не горел фонарь и, оказавшись в полной темноте, нырнул в калитку палисадника жилого дома, стоящего напротив. В тени кустов, росших около дома, Савва остановился и перевёл дух. Сердце отчаянно трепетало от бешеного бега; дышал Савва, как загнанная собака, мелкими-мелкими движениями грудной клетки, полуоткрыв рот. Пытаясь наладить дыхание, Савва сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, немного успокоился, и шум в ушах постепенно стал стихать.

В это время на улице мелькнула чёрная тень преследователя. Он пробежал до следующего столба, где горел свет, и, не увидев впереди тени своего соперника, остановился, матерно выругался и вернулся обратно, остановившись около калитки. Савва понял, что попал в западню. Палисадник был огорожен толстыми и, главное, высокими рейками. Конечно, в обычной ситуации перемахнуть через них Савве не составило бы никакого труда; однако он устал от короткой, но жестокой схватки около школы и стремительного бега. Савва понял: чёрный преследователь догадался, что он где-то рядом. Поэтому Савва не стал больше дожидаться, как развернутся события, а решил действовать опережая их, тем самым сохраняя шанс на победу над соперником.

Тихо пройдя вдоль густых кустов, Савва заметил высокое крыльцо и приоткрытую дверь, ведущую в дом. Решение возникло быстро. Савва, бесшумно скользнув по ступенькам вверх, оказался на тесной верандочке. На удивление, дверь даже не скрипнула, когда Савва её слегка приоткрыл, чтобы проникнуть внутрь. Сердце вновь заколотилось, но уже не от нагрузки, а от неизвестности, которая ждала его вперёд. Мгновенно оценив ситуацию и сообразив, что на веранде ему не укрыться, Савва нащупал рукой скобу двери, решительно дернул её на себя и оказался в ярко освещённой прихожей. Желтовато-лимонного цвета абажур под потолком, слева вдоль стены вешалка, справа стол со стульями. Кажется, его прихода никто и не заметил. Савва остался стоять около двери, не зная что делать дальше. Но в прихожую вдруг заглянул кучерявый паренёк лет семи и удивлённо, не моргая, уставился своими большими глазами на Савву:

– Ты кто? – спросил он наконец.

– Да так, знакомый, – не зная что сказать, ответил тихо, почти шёпотом, Савва.

– Ага, понятно. Ты – Никин жених, – и весело засмеялся. – Чего стоишь? Проходи, – предложил мальчишка, беря Савву за руку. – Телевизор смотреть будем. Кино про разведчиков идёт. Сила!

– А ты что, один?

– Ага, родичи пошли к соседям, они скоро вернутся. Но ты не дрейфь, они с понятием. Нике, конечно, достанется потом.

Тут только до Саввы дошло, что речь, видимо, идет о Веронике Смолиной, той девчонке, с которой он сегодня познакомился и которая ему так понравилась. Он даже ущипнул себя за ногу: не может быть! «Одна случайность приносит другую», – вспомнил он свою математичку Изольду Михайловну по прозвищу Костыль: она ходила с костылем из-за болезни правой ноги, которая слегка приволакивалась при ходьбе.

– А где же Ника? – вдруг спросил малыш. – Она, кажется, на школьный вечер собиралась. Уж так наряжалась, так расфуфырилась, словно русалка, – опять засмеялся мальчишка. – Ну, пойдём, что стоять-то будешь. В ногах правды нет!

– Да ты извини, я только на минутку. За мной гонятся, и я сюда случайно забежал. Верно, верно! – поспешил добавить Савва, видя, что мальчик не очень-то поверил в это.

– А кто гонится?

– Не знаю, около школы на меня напали с ножом. Я отбился – и вот, бегу. А тут у вас калитка открыта и дверь. Решил у вас отсидеться, если не выгоните.

Лицо мальчишки сделалось серьезным.

– Да ты, я смотрю, не шутишь. Вон и рубаша порвана.

Савва только сейчас обратил внимание, что красивая в разноцветную клетку рубашка действительно разорвана около ворота.

– Вот что. Ты давай проходи, а я сейчас дверь на крючок – и отсидимся, пока родители не придут.

Он оттолкнул Савву и защёлкнул крючок на двери.

– Проходи, не стой истуканом.

Савва отошёл от двери, подошёл к столику и сел на табурет.

– Как зовут-то тебя? – спросил любопытный мальчишка.

– Саввой.

– Ого! – не то одобряя, не то удивляясь произнёс мальчишка. – А меня – Костя. Все, правда, Котькой зовут, но я не обижаюсь. Хоть горшком назови, только в печку не ставь! – добавил он совсем уж серьезно, по-взрослому. – Давай так: я тебе сейчас найду отцовский кастет, он у каких-то ребят в ДОСААФе отнял. Дам тебе на всякий случай. И дождемся батю: он посмотрит, кто там есть. А я тебя потом через соседку тетю Грушу выведу на соседнюю улицу, через лаз в заборе. А там прямиком по переулку будешь на вокзале. Ну, а там всегда милиция дежурит.

– Идёт, идёт, Костя. Только давай родителей не будем ждать, а я сразу с тобой через забор уйду. Ты только покажи, я сам найду, как уйти.

– Ладно, не дрейфь. Я сейчас выйду, посмотрю, что во дворе, а потом мы с тобой пойдём.

– Нет, не так. А если он на тебя накинется? Может, это маньяк какой, я ж не знаю, что за человек за мной гнался.

– Да ты, Савва, меня не знаешь. Я ведь не просто так – возьму кочергу. Батя всегда с ней выходит, когда кто к нам ночью постучится. Да и потом, я же маленький, незаметный. Посмотрю и вернусь.

Пока Савва обдумывал, как поступить, Костя откинул крючок и выскочил на веранду. Савва кинулся было за ним, но остановился – не навредить бы мальчишке. Минут через пять Котька вернулся.

– Никого рядом, правда, у соседкиного дома кто-то на лавочке сидит. Мне не видно, кто, но огонёк от папиросы я заметил. Может, тот, кто за тобой гнался? Так что если не хочешь у нас оставаться, идём, провожу, пока тот сидит...

Через полчаса Савва уже ходил по перрону вокзала, не заходя в зал. Он рассудил, что если его будут искать, то наверняка заглянут и туда. Заметив отходящий в нужном ему направлении товарный поезд, Савва быстро зашагал вдоль насыпи и, улучив момент, запрыгнул на площадку пультман-вагона, гружёного дровами. Ещё через десять минут перед самым его родным разъездом, 207-м километром, где поезда всегда сбавляли скорость, Савва, легко оттолкнувшись от подножки вагона, спрыгнул на насыпь и пробежал несколько метров вслед за уходящим поездом. Он был почти дома. Савва оправил куртку и зашагал в сторону светящихся тусклым светом окошечек казарменных домов железнодорожных рабочих. Разъезд и ночью жил своей неторопливой, но полной достоинства трудовой жизнью.

* * *

Савве казалось, что инцидент был исчерпан. Но не тут-то было. Уже утром следующего дня его встретил на вокзале какой-то вёрткий паренёк и спросил:

– Ты Савва Мартынов?

– Я, – ответил он.

– С тобой наш бугор хочет поговорить.

– А где он? – оглядываясь вокруг на идущих на работу взрослых и спешащих в школу учеников, спросил теперь уже Савва.

– Пойдём со мной. Тут недалеко, прямо за гайкой, – ответил паренек и побежал в сторону магазинчика, стоявшего чуть поодаль перрона и по форме действительно напоминавшего шестигранную крупную гайку.

Савва молча следовал за ним.

– Ты куда? – спросил приятеля Лёшка Гринин.

– Да на минутку отойду, дело ко мне есть у местных горилл. Да ты иди, я тебя догоню. Только узнаю, в чём дело, и следом.

– Ладно, только ты не задавайся, один-то, – крикнул вслед Савве Лёшка и, взяв под мышку брезентовую сумку с книгами, пошёл в сторону школы.

За магазином одиноко стоял огромный и лохматый Алька Русан. Большое чёрное родимое пятно на его щеке выглядело как клеймо. Посмотрев на довольно щупленького, в легкой спортивной курточке Савву, Русан скривил губы и спросил:

– Ты, что ли, Мартынов?

Савва ничего не ответил, лишь кивнул головой.

– Что, язык проглотил? – опять скривился в ухмылке Алик.

– Да нет. Говори, что надо, а то я спешу.

– Спесишь? – удивился Русан. – Со мной многие хотят поговорить по душам, но я не хочу. А ты говоришь – спесишь. Куда, если не секрет?

– Да ладно тебе задаваться. О деле толкуй и разойдёмся, – как можно независимее ответил Савва.

На его удивление Русан не обиделся, а лишь примирительно хмыкнул:

– Не лезь в бутылку-то. Значит, так. Ты вчера моего кореша сильно обидел, – прохрипел почти в упор Алик.

– Какого? – удивился Савва.

– Витьку Дидю...

– Я такого не знаю, – искренне удивился Савва.

– Зато он тебя знает. Короче... Ты отбил у него девчонку, но мало того – морду ногой разворотил, он два зуба выплюнул. А за телесные повреждения, сам знаешь, по ментовским законам и нашим ответ полагается. Чуешь, о чём я? – опять криво усмехнулся Алик.

И тут Савва всё понял: «Значит, человек, который на него напал в школьном парке, и есть Витька Дидя, а напал он на меня из-за танца с Никой».

– Послушай, Алик. Ты, конечно, парень не дурак, в авторитете. Твои друзья под твоей защитой, так?

– Ну-у, – лениво выдавил из себя Русан.

– Гну, – по инерции съязвил Савва.

– Ты полегче на виражах! – недовольно буркнул Алик. – В чём суть-то? Говори яснее.

– А в том, – продолжил уже серьёзно Савва, – что я, зная об этом, стал бы на твоих корешей первым нападать? Не резон мне, как ни крути – не резон. Я человек для вас новый, езжу сюда каждый день и буду тебе пакостить? Не имея надёжного прикрытия? Согласись, нет логики...

– Ты парень ловкий, хорошо калякаешь. Но пыль в глаза мне не пускай. Все видели, что ты девчонку Дидину лапал на школьном вечере. А потом на законное возмущение пацана морду ему набил.

– Ничего я ему не бил. Он на меня с ножом сзади напал. Я чудом увернулся, а нож выбил ногой и морду ему расквасил, когда он на меня снова накинудся, как дикий кабан. Тут, наверное, я ему и врезал головой, что зубы вылетели. Но я не хотел этого делать.

Алик удивлённо смотрел на худенькую, но плотно сбитую фигуру Саввы и никак не мог понять: неужели Дидя, здоровый пацан, прошедший с Русаном вместе по зоне, не мог с ножом одолеть его? Не верилось. Хотя он вспомнил подобный случай в лагере. Один такой же на вид доходяга отделал, как повар котлету, их смотрящего по зоне по кличке Фиксаж, здорового, выше и толще, чем он, Русан. Каким-то не то китайским, не то японским приёмчикам был обучен этот доходяга. Фиксаж его два раза кидал через себя, повертев предварительно на могучих руках, как пропеллер. Но тот, подлец, падал прямо на ноги и как ни в чём не бывало танцевал вокруг тучного смотрящего. А потом как-то смешно подскочил петухом и тихо так ударил противника в шею пяткой. После этого Фиксаж отключился и пришёл в себя только в лазарете. Но тот парень был из Питера, там научат чему надо и не надо. А этот где нахватался?

Так думал про себя Алька Русан, не зная, что делать с Саввой – наказать или миловать.

– Шабаш, – пробасил он. – Дело требует доработки, а разборку проведём в ближайшие дни. Тебе сообщат.

И, развернувшись и опустив голову, тяжёлой походкой пошёл вдоль перрона.

В школе Савву ждал ещё один сюрприз. Завуч и классный руководитель одновременно, Исаак Моисеевич, уже знал о драке. Кто и когда сообщил ему об этом – осталось тайной до сих пор.

Он пригласил Савву к себе в лаборантскую и важно вышагивал вдоль всевозможных приборов со стрелками. Задрал нос, расправив плечи, с горящими глазами, чёрными как смоль волосами, гладко зачёсанными назад, он походил на Мефистофеля. Казалось, он знал или по крайней мере предвидел развитие многих событий и вещей. Что будет завтра, чего нельзя делать сегодня, о чём можно думать сейчас и о чём никогда нельзя даже помыслить. И хотя прошли уже времена хрущёвской «оттепели», но и до них, и после у него в кабинете висел небольшой портретик Сталина в кителе генералиссимуса. Все знали об этой его любви к вождю всех народов, но никто никогда не осуждал его за это публично.

Находившись, Дизель наконец-то сел на высокий вертящийся стул около какого-то физического прибора и начал разговор.

– Мартынов, скажи: что движет тобой, когда ты совершаешь тот или иной поступок?

Савва, стоящий у захлопнутой тяжёлой двери, молча пожал плечами. Он, зная привычку Дизеля, без приглашения не садился.

– Между нами, давай на чистоту поговорим. Мне вот лично ничего не понятно в твоих поступках.

– А чего тут непонятного? – ответил вопросом Савва. – Действую строго по обстоятельствам.

– Какая такая нужда была у тебя ввязываться в драку с Витькой Дидей, хулиганом и бандитом?

– А я не ввязывался ни во что и не дрался с ним.

– Неправда! У меня точные сведения. Вчера после школьного бала ты подрался с Дидей, разбил ему лицо и выбил два зуба.

– Мне сегодня тоже об этом сказал один человек. Я не знал, кто это был, кто нападал на меня. Может, и Дидя, может, кто другой. Но я защищался, а не нападал...

– А у меня другие сведения на этот счёт.

– Я сказал вам правду. Я не видел лица нападавшего на меня человека. Может, я и нанёс ему травму, может, действительно выбил зубы, но он напал на меня с ножом!

– Ну уж и с ножом? Это тебе от страха показалось.

– Если бы не нож, я, может, и драться не стал бы, просто убежал и всё. Но когда на меня с ножом в руке идут, тут не до любезностей. Я оборонялся как мог...

– Эта драка тебе может боком выйти. Если узнает милиция и сообщат в школу – сам понимаешь... Ту-ту из школы, а может, и дело заведут. Тогда ещё хуже, в колонии можешь оказаться, и не надсмотрщиком, – зло добавил Дизель.

– Пусть доказывают, что это я его поранил. Свидетели где?

– Это самый весомый аргумент. Тут ты, Мартынов, прав, без свидетелей доказать будет трудно. Но это забота пострадавшего. Сам-то понимаешь, в какую грязь ты вляпался? Или так и не дошло?

– Ну почему, всё до меня дошло. Вляпался не я, а они, те, кто организовал нападение. Мне с милицией дела иметь, конечно, не хочется, но я не боюсь: я ни в чем не виноват!

Дизель сморщился и остановил разошедшегося Савву:

– А ты хоть понимаешь, зачем я тебя сюда пригласил? – и не дожидаясь ответа продолжил. – Чтобы тебя предупредить. Веди себя корректно, иначе твоя учеба у нас закончится тюрьмой. А мне честь школы дорога. Понял!

– Исаак Моисеевич, а чего вы меня тюрьмой-то пугаете? Что я вам-то лично плохого сделал?

– А то, что если не бросишь свои заморочки да ухаживания за девушками, занятыми другими, дело этим и кончится. Да, кстати, Вероника, то есть Ника, дочка моего хорошего друга, замечательного человека. И я не позволю тебе морочить ей голову. Понятно выражаюсь?

– Ах, вот оно что, – помолчал Савва полминуты, собираясь с мыслями. – Понял, Исаак Моисеевич. Вы собираетесь мстить мне, если я буду дружить с Никой? Только мы в другое время живем, не в сталинское, – кивнув на портрет вождя всех народов, продолжил Савва. – Можно идти?

Дизель встал со стула, бледный, с ходящими желваками на лице, подошёл и прямо и зло посмотрел в глаза Савве:

– Ну ты и фрукт! А характеристику я тебе напишу такую, что даже в колонии будешь меня вспоминать. Иди и помни о нашем разговоре.

Савва молча вышел из лаборантской завуча и пошёл на урок.

Вечером того же дня, когда Савва обедал в железнодорожной столовой, к нему подошёл тот же пацан, что и утром, и передал бумажку, сложенную в четыре раза.

– От кого? – спросил Савва.

– Сам узнаешь, – ответил паренёк и убежал, не дожидаясь других вопросов.

Савва развернул мятую бумагу и прочитал: «Ждём тебя завтра после обеда, в четыре, около головного буфета. Алик».

«Кажется, конец подходит, – невесело усмехнулся про себя Савва. – Что же делать?» Он стал лихорадочно перебирать возможности: «Не ходить, сослаться на болезнь? Не пройдет. Скажут струсил, а потом всё равно когда-то нужно будет поговорить. Уехать срочно в гости, скажем, к тёте в Питер? Тоже не очень. С какой стати так вдруг понадобилось? Нет, не то. Нужно пойти на разговор. Но как? И, главное, с кем? Стоп!» Тут поподробнее стал заставлять себя думать Савва. «Значит, так: собрать ребят, желательно старших и опытных. Можно попросить друзей брата Леонида. Они, кажется, у родителей ошиваются сейчас. Взять трёх надежных парней – Мишку Резунова, Пашку Пронина да и Вальку Зверева. Ребята вместе с братом выросли, в Питере учились, потом кто в десанте, кто на Кубе служил, умеют за себя постоять, да и закалка питерская. Так, это хорошо».

А в том, что они поедут, у Саввы сомнений не было. Побузить да ещё за правду, за своего парня, за свой родной разъезд – дело чести. Тут они не струсят, с кем угодно в драку полезут.

«Ладно, хорошо. Что ещё? «Вальтер» достать, который ещё брат Лёшка спрятал? Это тоже надёжный аргумент, особенно когда «тет-а-тет» разговор пойдёт. Тут терять нечего: или ты их, или они тебя».

Вечером, выпросив с трудом у матери десять рублей якобы на учебники, Савва пошёл собирать компанию. Долго уговаривать скучающих без дела здоровенных молодых мужиков не пришлось.

– О чём разговор? Брату Лёхи мы всегда поможем. Только обрисуй картину: что к чему? Савва как мог всё рассказал.

– Хорошо. Подытожим. Дело ясное: тебе нужно форт показать, а нам тебя поддержать. Идёт! Пиво будет?

Савва вынул червонец:

– Конечно, сразу же там в главном буфете и отоваримся.

– Договорились, – за всех ответил Мишка Резунов.

* * *

Следующий вечер встречи Саввы с Русаном выдался почти по-летнему тёплым. Хотя половина листвы тополей пожухла и опала от первых заморозков, но трава сочно зеленела под деревьями. А в воздухе замельтешили густые кучи комаров – верный признак тепла.

Поезд подъехал к перрону почти по расписанию, без десяти четыре. На задней площадке последнего вагона вся их бригада из пяти человек была наготове. Пятым в последнюю минуту присоединился Юрка Андреюшкин, здоровенный парень, немного заикающийся, но неимоверной силы: мог одними руками гружёную машину сдвинуть. Он недавно вернулся из армии и работал на путях молотобойцем, вколачивал в деревянные шпалы костыли. Один удар – один костыль. На спор мог выпить десять кружек пива одну за другой, не отрываясь, и ещё много чего...

Самый интеллигентный из них – Пашка Пронин – весело пошутил:

– Звёздный состав 207-го разъезда в сборе!

– Значит, так, – начал Мишка Резунов, обращаясь к Савве. – Ты идёшь к ним, мы сзади за тобой, чуть поодаль. Так, невзначай приехали парни пивка попить. И к головному буфету пойдём. Там около него остановимся покурить, обстановку оценим. Ты начинаешь разговор, и если что, даёшь знать. Ну, хоть рукой почечи затылок – это значит наша подмога нужна. Мы в один миг будем там. Понял?

– Хорошо, – согласился Савва.

Все замолчали. Поезд мягко подошёл к перрону и остановился.

– Ты сходи один, а то за тобой наверняка следят. А мы чуток попозже, – хлопнул Мишка Савву. – Удачи тебе!

– К чёрту! – бросил в ответ Савва и соскочил на перрон.

Последний вагон остановился почти напротив места встречи. Длинное одноэтажное здание, обшитое вагонкой и выкрашенное охрой в тёмно-коричневый цвет, как и все железнодорожные сооружения тех лет, носило странное название «головной буфет» скорее из-за своих размеров: по сравнению с другими такими железнодорожными строениями ОРСа оно выглядело флагманом на фоне мелких магазинчиков и ларёчков. Савва, не оборачиваясь, быстрой походкой спортивного парня направился к зданию буфета. Подойдя к высокому крыльцу, остановился и осмотрелся. Кроме двух подвыпивших и обнимающихся друг с другом мужиков поблизости никого не было. Савва взглянул на часы: ровно четыре. «Где-то тут, видимо, наблюдают», – сделал вывод Савва и неторопливо стал подниматься на крыльцо. В это время раздался свист – так свистят, когда хотят себя обозначить. Савва на минуту замер и обернулся. Свист повторился. Свистели из-за разросшихся кустов акации привокзального палисадника, заканчивавшихся как раз напротив буфета.

Палисадник был со всех сторон по периметру обсажен акацией и считался святым местом для работников станции. Чужаков туда не пускали: железнодорожники отдыхали в тени во время летней жары, располагаясь вокруг небольшого фонтанчика. В любое время года после получки или аванса они «вспрыскивали» эти события стаканчиком водки и кружкой пива. Савва раза два бывал там с отцом ещё ребёнком, а просто так ходить туда не рекомендовали никому. За это можно было по шапке получить, да и относились в то время к железнодорожникам с почтением: полувоенная форма с нашивками, фуражки, кители, да и заработок выше, чем везде. Создавали тем самым своеобразный ореол рабочей элиты.

Савва оглянулся и увидев, что его группа поддержки, болтая и смеясь, подходит к буфету, смело шагнул вперёд, перепрыгнул через невысокий штакетник и нырнул в кусты. За кустами около уже не работающего фонтанчика его ждали трое, знакомым был один – Алик Русан. Он был в чёрной кожаной куртке с поднятым воротником и в больших чёрных очках. Других парней Савва никогда не видел. Тот, что стоял слева от Алика, был невысоким крепышом, губы у него были разбиты и припухли. «Дидя», – догадался Савва. А третий, высокий тощий мужик с узким и злым лицом, был в сером красивом костюме в полоску.

Начал разговор Алик Русан:

– Пришёл, значит, не струсил? Хорошо. Один?

– Пока один, – ответил спокойно Савва, хотя сердце его трепетало так же часто, как строчил пулемёт.

– Ты должен возместить ущерб Витюхе пятьсот рябчиков, и ещё пятьсот нам, за урегулирование конфликта. В общем, штука с тебя, парень, – перешёл к делу Русан.

– За что? – вырвалось у Саввы.

– Было бы за что, мы бы тебя уже давно прикончили, – ответил с ухмылкой Алик.

Дидя тоже осклабился лишь губами. Лицо третьего оставалось абсолютно застывшим, со злым выражением чёрных колючих глаз.

– Ах да, я тебя не познакомил. Это, – Алик показал на парня с разбитыми губами, – как ты, наверное, догадался, Витёк. А этот, – он кивнул на высокого худого мужика, – наш кореш Вагоб из Питера. Сюда приехал по делам, но специально пришёл посмотреть на фрэера, который лучшего спортсмена зоны разделал под орех.

И он басисто рассмеялся.

– Да ладно ты, Русан, зубы-то скалить, – прошипел со злостью Дидя. – Если бы не ты, пришёл бы его, сучонка, на следующее утро.

Он матерно выругался, хотел ещё что-то добавить, но Алик резко одёрнул его:

– Цыц! Не тебе меня учить, как правёж вести. Сказано – замётано, – продолжил уже спокойно Алик.

– Да откуда у меня такие деньги? – ответил, сохраняя спокойствие, Савва.

– Это не наше дело. Ты ввязался во взрослые игры – плати по счетам, – как бы подытоживая встречу, хрипло проговорил Русан. – Даём тебе три дня. Чтобы через три дня к семи вечера вот так же, здесь, передал моему человеку штуку. Кто будет деньги брать – сообщу накануне. Свободен.

– Нет, погоди! Погоди! – вдруг снова вскипел Дидя. – И уговор насчет бабы!

Алик поморщился:

– Да, чуть не забыл. Ты девку оставь, не по себе сук рубишь. Усёк? Ну, покедова.

И Русан повернулся спиной к Савве, приглашая своих друзей идти с ним. Но в это время Савва вдруг решительно схватил Алика за плечо:

– Погоди!

– Что так?

Резко и пружинисто Алик сбросил руку Саввы с плеча, и в левом рукаве куртки что-то щёлкнуло. Савва опустил глаза и увидел лезвие ножа, выскочившее из чёрной рукоятки. Алик поднял нож, поднес к лицу Саввы и тихо, но твёрдо произнёс:

– Я не Дидя. Шутить не привык, – и снова защёлкнул лезвие в рукоятку. – Что хотел? Говори!

Савва судорожно сглотнул слюну.

– Вероника сама решит, с кем ей дружить. А во-вторых, я же сказал – нет у меня тысячи рублей, и взять негде.

– А корова в доме есть? – спросил опять с ухмылкой Алик.

Видно, нравился ему этот ершистый парень: вот бы себе в помощники такого.

– Корова? – удивлённо переспросил Савва. – Есть.

– Пусть родичи продадут. Вот и деньги, – уже со смехом прибавил Алик.

Что-то напоминающее улыбку появилось даже на лице Вагоба, гостя из Питера.

– Корову они не продадут, – уверенно парировал Савва. – Родители за детей не отвечают. Так ведь по закону, и вашему, и нашему, – добавил он. – Заработаю – отдам, только время нужно.

– Сколько же тебе его дать? – опять со смехом спросил Алик.

– Летом на каникулах буду на путях работать. Там хорошо платят. И зимой подработать можно на расчистке снега. Соберу за год.

Тут уж рассмеялись все трое.

– Молодец! – вдруг заговорил длинный приятель Алика. – Слушай, Русан! Отдай его мне на неделю. Возьму с собой в Питер. Там дело серьезное намечается, человек со стороны нужен.

Русан пожал плечами:

– Бери. Только задаток оставь.

– Поедешь со мной? – спросил Вагоб Савву, не отвечая Русану.

– А зачем?

– Деньги заработать.

– Как?

– Как-как? Заквакал! – засмеялся Дидя. – Воровать будешь. Понял? И чтоб через неделю пятьсот рябчиков мне выложил, а не то каюк тебе.

– Не пугай парня! Он и так, видно, не из пугливых, – заступился неожиданно за Савву Вагоб. – Ну что, поедешь? – уже более приветливо спросил Вагоб.

– Нет, не поеду, – уверенно и твёрдо ответил Савва. – Воровать не буду.

– Дело хозяйское, – как-то с сожалением проговорил Вагоб. – Тогда разбирайся с долгами сам, – и он отвернулся.

Алик снял очки, посмотрел на Савву и как-то спокойно и безучастно пробасил:

– Ну и дурак!

Потом подумал о чём-то и добавил:

– Мне будет жаль тебя, если через три дня не будет денег. Понял? Хороший малыш!

И он хотел было похлопать Савву по щеке своей огромной ручищей с большим золотым перстнем на пальце.

– Не понял! И понимать мне нечего, – так же спокойно, но категорично ответил Савва, отдергиваясь от руки Алика.

И тут он сделал шаг в сторону, выхватил из-под ремня свой главный аргумент – «Вальтер» – и навёл ствол в лоб Алику.

– Стоять всем! Иначе выстрелю!

– Это меняет дело, малыш, – прохрипел Русан, также делая шаг в сторону и пытаясь достать нож.

Но Савва упорно держал его под прицелом и звонко выкрикнул:

– Не делай глупостей, Алик! Ты не успеешь! Я выстрелю быстрее.

Русан опустил руки:

– Ну! Пошутил и хватит! Опустит пушку.

– Стойте на месте, иначе выстрелю, – повторил команду Савва и пронзительно свистнул.

Из кустов, ломая ветки, с двух сторон выскочили приятели Саввы. Оценив ситуацию, Мишка Резунов покачал головой.

– Ай-ай-ай! Не получилось, значит, разговора. Теперь слушайте меня внимательно. Ты у них за пахана? – обратился Мишка к Алику.

Тот ничего не ответил.

– Да ладно, мне всё равно кто. Слушайте тогда все. Этот парень... – он взял Савву за плечо и, видя, что Савва не опускает пистолет, кинул ему: – Да убери ты свою зажигалку, – и снова обратился к Алику. – Так вот. Вот этот парень – наш земляк, брат Лёшки Би. Слышал о таком?

– Да был какой-то фраерок с такой кликухой, – произнес было Русан.

Но Мишка поднял указательный палец вверх, и Алик замолчал.

– Лёшка Би не фраерок и никогда им не был. Он настоящий уркаган и таких питерских, как ты, – Мишка повернулся к Вагобу, – ставил на четвереньки вдоль Лиговки. И не одного хмыря вроде тебя, – Мишка ткнул пальцем в Русана, – шлёпнул. Сам свидетель. Всем всё ясно? И все в Питере знали Лёшку Би и уважали за честность и порядочность. А пока вы зону по малолетке топтали, Лёха на Кубе страну защищал, в Карибском кризисе. Фидель лично наградил Лёху орденом. И в довесок получил Лёха малярию... Сейчас Лёха ушёл от старых дел, но порох в пороховницах сохранил сухим. Помните об этом, урки! Мы, друзья Лёхи, не дадим в обиду его братана, вот этого парня.

Он снова обнял Савву за плечи и продолжил:

– Кто будет мешать ему ходить свободно и везде, где он пожелает – будет иметь дело с нами... Мне ваше согласие не нужно. Я лишь предупредил, чтобы вы не делали глупостей. Усекли? Впрочем, он и сам может за себя постоять.

Мишка закончил свою короткую речь и посмотрел на Савву, мол, давай командуй. Савве ничего не оставалось, как пригласить всех в буфет:

– Айда в головной, угощаю пивом.

Мишка заулыбался и неожиданно, как всегда, выдал:

– Кто не с нами, тот против нас, – и направился в сторону головного буфета. К удивлению Саввы, все остальные пошли за ним.

В буфете, сев в зале под огромной репродукцией с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», Савва заказал шестнадцать кружек пива, по две на брата, восемь бутербродов с колбасой

и бутылку водки. Ровно на десятку, как он и рассчитывал. Удобно усевшись за столами, ребята с удовольствием потягивали пиво. Мишка быстрым движением плеснул всем в кружки по пятьдесят граммов водки, оставив себе чуть побольше. Только Савва закрыл ладонью свою кружку, и Мишка понимающе обошёл его.

– За примирение! – предложил тост Мишка, видя, что братва расслабилась и спало недавнее напряжение.

– Да чего базарить? Дело в прошлом, замётано! – поддержал Русан.

– Вот и ладненько, – заулыбался Мишка, показывая золотую фикса на зубе.

После второй кружки пива беседа перешла в шумный разговор и воспоминания обычных знакомых. Русан неожиданно подошёл к Савве.

– Лёху-то, твоего братана, я, оказывается, знал. Ещё по школе. Парень свойский был, нормальный пацан. Ты пойми меня правильно: на воле каждый сам за себя, а в кодле каждый друг за друга.

– Да я не в претензии к тебе, Алик, – ответил миролюбиво Савва. – Слава богу, всё выяснилось.

– Ты это, того... Если что – мне дай знать. Никто тебя не тронет. И с девкой своей гуляй где хочешь. А этому, – Русан кивнул на Дидю, который сидел с распухшими губами и цедил пиво одной половиной рта, – я уже всё сказал. Он тебя не тронет. А девка действительно хороша. И если бы не моя любовь к Валюхе, занялся бы ей сам.

Русан засмеялся, но, видя что Савва настороженно поднял на него глаза, успокоил:

– Ну, ну... Пошутил я, пошутил. Ладно, давай пять.

Он протянул свою огромную ладонь. Савва протянул свою, и они обменялись крепким рукопожатием.

Глава 2. Утраченные иллюзии

Господи! Неужели это было на самом деле? Со мной? Неужели сорок пять лет пролетели как один день? Мысли Саввы наконец-то прояснились, отошли от школьных воспоминаний, и он вновь увидел перед собой здание библиотеки, у которого стоял и плакал. Найдя платок, он вытер слёзы и медленно стал ходить вперёд-назад по дорожке около здания ректората. Собственно, здесь Савва Николаевич оказался неспроста. Его привела сюда забота о судьбе внука – младшего Мартынова, Дениса. Он в этом году окончил школу и, к удивлению деда, решил пойти в медицину. Ни сын, ни дочка медиками не стали, а тут внук решил осчастливить – стать врачом. Из разговора с внуком Савва Николаевич понял, что Дениска хотел бы учиться в том же институте, что и дед. Савва Николаевич, к этому времени известный в стране учёный, мог бы без труда пристроить внука куда-нибудь поближе к себе: в свой университет, например, где он заведовал кафедрой. Но внук решил иначе.

– Хочу учиться и жить в Питере. Хочу как ты – всё сам.

Дед, конечно, обрадовался, но решил всё же подстраховать Дениса. И вот он здесь, около своей alma mater, ждёт прихода ректора Широкова Владимира Александровича, с которым по телефону была согласована встреча.

Ректор появился неожиданно. Они обнялись и поздоровались.

– Здравствуйте, Владимир Александрович.

– Здравствуйте, Савва Николаевич. Какими судьбами? – спросил ректор.

Немолодой седовласый мужчина, немного старше Саввы Николаевича, пригласил его к себе в ректорат.

– Да вот, решил вас, Владимир Александрович, и alma mater навестить, – отшутился Савва Николаевич.

На звонок ректора двери открылись и охранник, строгий человек с выправкой бывшего военного, чётко доложил:

– Никаких происшествий за время моего дежурства не замечено.

И тут же встал в сторону, пропуская ректора с гостем.

– Ладно, ладно тебе со своим официозом, – поморщился ректор, здороваясь за руку с охранником. – Знакомься и запомни. Это мой старый и добрый знакомый, Савва Николаевич Мартынов. Пропускай всегда и без доклада. Понял?

– Так точно, – по-военному ответил охранник.

– Ну вот и ладненько.

Савва Николаевич также поздоровался за руку с охранником и ещё раз представился:

– Савва Николаевич.

– Рудольф Оскарлович Шварц, – ответил охранник, пропуская шефа и его товарища вперёд.

По широкой мраморной лестнице с витиеватыми чугунными перилами они поднялись на второй этаж и оказались в небольшой, но уютной приёмной ректората. Справа дверь ректора, слева – его заместителя. Тут же стол секретаря и чуть поодаль, за перегородкой пост дежурного охранника.

– Вообще-то охрана вся по периметру академии, здесь только старший охранник. Он оперативно решает все проблемы, возникшие у наружной охраны, – пояснил ректор, пропуская Савву Николаевича к себе в кабинет. – Человек он надёжный, воевал в горячих точках, несколько раз был ранен, имеет награды. В звании полковника вышел в отставку. Без работы маялся год-другой, потом как-то попался мне на глаза, разговорились и я пригласил его к себе. Вот уже пятый год работает. А у меня гора с плеч свалилась. Сами понимаете: тысячи студентов, тысячи больных, сотни преподавателей. Получается целая армия.

Владимир Александрович рассказывал все это Савве Николаевичу, чтобы хоть как-то заполнить паузу между моментом встречи и деловым разговором. В том, что Савва Николаевич приехал не просто так, сомнений у ректора даже не возникало. Но он никак не мог догадаться, что же именно привело сюда уважаемого им ученого, крупного руководителя целой службы здравоохранения одной из северных областей России.

– Да, забот у вас хватает, – согласился Савва Николаевич. – Когда я учился здесь, не думал об этом. Считал, что всё идёт само по себе.

– Как? – удивился Владимир Александрович, усаживаясь в кресло около длинного стола, заваленного книгами и журналами. – Вы учились здесь?

– Да. И я не только учился, но и жил здесь рядом, напротив вас, в нынешней библиотеке, целый год. Там тогда было общежитие для старшекурсников на пятьдесят или шестьдесят мест. Вот там нам, первокурсникам, выделили одну комнату на чёртову дюжину.

– Вот не знал, Савва Николаевич, что вы выпускник нашей Академии и тем более что жили на её территории.

– Да... Было дело, – со вздохом подтвердил слова ректора Савва Николаевич. – Правда, тогда это был институт, а не академия.

– А чего такие тяжкие вздохи?

– Да время летит, словно секундная стрелка на циферблате, круг за кругом. Вроде бы и не замечаешь, а потом бах! Смотришь, а время-то твоё подходит к концу.

– Савва Николаевич, давайте не будем о грустном. Я сейчас кофейку соображу. Или вам лучше чаю? – чтобы хоть как-то отвлечь гостя от грустных мыслей предложил ректор.

Он позвонил охраннику, попросил помочь с посудой.

– Секретаря сегодня нет – выходной день. Вот с Рудольфом Оскаровичем и хозяйствуем в её отсутствие, – пошутил Владимир Александрович.

На столе перед Саввой Николаевичем появились большая конфетница, чашки из старого китайского фарфора, заварник, чай в пакетиках, а также две или три банки редких сортов кофе.

Садясь напротив, Владимир Александрович показал на выставленные приборы и радушно улыбнулся:

– Выбирайте, что подходит. Извините, что без должного порядка. Алла Христофоровна, мой секретарь, сделала бы лучше. Но что есть – от всей души.

Щёлкнул выключатель электрочайника.

– Ну вот, и чай вскипел. С чего начнём? С кофе или чая? – спросил Владимир Александрович, подняв глаза на Савву Николаевича.

– Да всё равно. Что нальёте, то и буду пить.

– А тогда начнём, пожалуй, с коньячка. Не возражаете?

– Нет, конечно. За встречу не грех и коньячком побаловаться.

– Вот и чудненько. У меня где-то бутылочка настоящего французского завалялась.

И Владимир Александрович, несмотря на свой внушительный вес и возраст, легко поднялся и подошёл к двери шкафчика, достал пузатую бутылку и пару хрустальных бокалов. Затем сел на место, разлил ароматный напиток. Чокнулись.

– Ну, за встречу, – произнес Владимир Александрович традиционный в таких случаях тост.

– За встречу, – согласился Савва Николаевич.

Они оба разом выпили, смакуя аромат напитка из лучших сортов винограда, отжатого на Лазурном Берегу Франции и пролежавшего в дубовых бочках с десятков лет, а потом разлитого в пузатые бутылки под всемирно известной маркой «Наполеон».

– Да!.. Напиток богов, – отметил Савва Николаевич, наслаждаясь букетом вкуса и запаха.

Выпив, оба с удовольствием закусили ломтиками лимона, заботливо нарезанного охранником.

– Савва Николаевич, что же вас всё-таки привело сюда? Не только же ностальгия? – спросил как можно мягче, чтобы ненароком не обидеть собеседника, Владимир Александрович.

– Вы правы.

Савва Николаевич ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и, как бы почувствовав свободу, просто ответил:

– Внук хочет учиться в вашем, то есть нашем, институте.

– Хочет – значит будет, – просто и без всяких лишних расспросов ответил Владимир Александрович.

Савва Николаевич удовлетворенно мотнул головой. Другого ответа он и не ожидал.

– Вы знаете, Владимир Александрович, Денис, мой старший внук, парень неплохой. Звёзд с неба не хватает, учился в школе стабильно. Хорошист, как сейчас говорят. В медицину вроде не собирался, играл себе на скрипочке, конкурсы серьёзные выигрывал. И тут на тебе, как снег на голову: хочу, дед, в твоём институте учиться. Врачом хочу быть! Понимаете, Владимир Александрович? Никто из детей не захотел в медицину идти – ни сын, ни дочка. Я уж и мечтать бросил, особенно когда и внук другим занялся: музыкой, пением... А тут, весной, уже в апреле где-то, и огорошил меня.

Владимир Александрович разлил коньяк по бокалам.

– Ну что ж. За продолжение династии Мартыновых! – предложил он новый тост и, подняв бокал, чокнулся с Саввой Николаевичем.

– Хорошо бы, Владимир Александрович, чтобы ваши слова да Богу в уши.

– Давайте-давайте, первый шаг сделан. Главное – желание, всё остальное приложится, – засмеялся Владимир Александрович, с удовольствием выпивая терпкий коньяк.

Савва Николаевич на этот раз опрокинул всю рюмку в рот, не раздумывая.

– Не скажите, Владимир Александрович. Сейчас высшее образование не такое уж доступное, как в наши годы, – продолжил мысль Савва Николаевич.

– Это верно. Но кто хочет, тот своего добьётся. Так всегда было и всегда будет, – ответил ректор, откинувшись на спинку кресла. – Вот у нас: конкурс огромный, четыре-пять человек на место. Кажется, и гранит науки твёрдый, и почти в каждом областном городе теперь свой медицинский факультет или институт есть, а едут всё равно к нам. Спросил абитуриентов – почему? Знаете, что они мне ответили? – и, не дожидаясь реплики Саввы Николаевича, Владимир Александрович с удовольствием ответил себе сам: – Знаний хотим и перспективы! Это раньше наше поколение по призванию в вузы шло, а теперь не только за знаниями, но и за хорошей перспективой на будущее. Жизнь, Савва Николаевич, меняется. Не знаю, к лучшему ли, но меняется всё на глазах. Рыночные отношения, как сейчас принято говорить, вытесняют иногда здравый смысл.

И он стал задумчиво смотреть в окно, как будто там, за окном, кто-то мог дать ему ответ «почему так?».

Савва Николаевич осторожно поставил бокал на стол и тоже на какое-то время затих, внимательно рассматривая лицо Владимира Александровича. Ему показалось, что тот сейчас находится в своих мыслях где-то далеко-далеко, в их тяжёлой, но такой прекрасной юности. Тогда они оба были полны сил и энергии и их не смущали проблемы перестройки, смена идеалов. Главное – не менялось направление их жизни. Перспективы были вполне предсказуемы: институт, женитьба, семья, работа, дом, машина, а если кому-то повезёт – учёная степень и почёт. А если ты ещё был награждён от природы талантом, то всенародная любовь была обеспечена, и неважно, жил ли ты в крупном городе или маленьком районном центре.

Владимир Александрович наконец выпрямился и как-то грустно сказал:

– Мой сын тоже не захотел в медицину, а внуков Бог пока не дал.

Савва Николаевич тактично промолчал, зная по себе, что любое бестактное вмешательство в личные проблемы чревато если и не разрывом отношений, то, по крайней мере, холодок в них обязательно появится.

– Вы знаете, Савва Николаевич, у меня один сын. Юрист, тридцать пять лет. Сын долгожданный, можно сказать выстраданный. Жене поставили диагноз: «бесплодие», и она пять-семь лет безуспешно лечилась. Потом случайно пошла в институт Отто, там консультировал известный вам профессор Аничков Викентий Леонидович. Он диагноз безошибочно поставил. Пролечилась и через год родила. Сын рос нормальным парнем, в школе отличник, любил математику, физмат закончил. Ну, а тут, сами знаете, нагрянула перестройка. Понятно, что жить так было больше нельзя, но то, что взамен появилось – абсурд. Ларёчники и лавочники к власти пришли, и идеология лавочников насаждаться стала. Секс, порнография, наркотики... Гитлер не смог нас одолеть в войну, а тут без боя почти что сдались. Сын попал в плохую компанию. Да что говорить...

Тут Владимир Александрович тяжело вздохнул, словно груз скинул с плеч.

– Было дело. Едва спасли парня. Слава Богу, всё уже позади. Сейчас он у меня бизнесмен.

Савва Николаевич во время монолога не проронил ни слова. Да, собственно, и что было говорить? Всё и так до боли ему было знакомо. Собственный сын рос в то же время и с лихвой хватил трудностей переходного периода. Когда в обществе деньги значили больше, чем жизнь. Слава богу, ему повезло – сын удержался, не угодил в трясины. И удержала его, как ни странно, ранняя любовь. Савва Николаевич, даже сам не замечая того, невольно улыбнулся.

Владимир Александрович, заметив улыбку на лице гостя, понял её по-своему – мол, подбадривает.

– Не будем о грустном. Давайте-ка ещё по рюмочке, и поедем ко мне обедать домой.

В это время зазвонил мобильный телефон. Владимир Александрович посмотрел на собеседника:

– Ваш или мой?

– Кажется, ваш, – ответил Савва Николаевич, шаря по карманам в поисках телефона.

– Алло, алло! – уже заговорил Владимир Александрович. – А... Это ты, Люсёк. А мы тут в кабинете чаёвничаем... Ну конечно, без женской помощи... Как дела? Чего звонишь?... А, понятно, понятно, – и Владимир Александрович на целых пять минут замолчал, слушая, что говорит ему Люсёк, лишь иногда вставляя односложно, – понятно... Понятно... Хорошо Люсёк, я понял. Ты возьми, набери телефон Игоря Петровича Сорокина – он должен будет подъехать к трём часам с бригадой грузчиков. Пусть всё потихонечку переносят, перевозят – вещи, холодильник, технику, а потом всё остальное. В общем, командуйте без меня. Пока. Извините, Савва Николаевич, переезжаем, – как бы прояснил ситуацию Владимир Александрович. – всю жизнь прожил на Марата, в центре города, но дом поставили на капремонт, вот мы и решили перебраться. Не знаю, вернёмся ли на старое место. Скорее всего, нет. Привлёк знакомых, подобрали подходящую квартиру на Петроградской. Вот теперь вещи перевозим. Хотел сам, но не могу оторваться от дел – самое горячее время: приём документов, потом экзамены, слёзы и просьбы родителей, жалобы. С работы иногда ухожу после восьми вечера. Раньше не получается.

Савва Николаевич согласно покивал головой:

– Это точно! Аврал сейчас во всех вузах. В нашем тоже, говорят, конкурс больше четырех человек на место. Очень понимаю вас, хотя сам ни в каких комиссиях не участвую, но общая атмосфера затягивает, как только войдёшь в институт.

– Вот-вот, именно затягивает, как водоворот, – со смехом повторил Владимир Александрович. – Ведь теперь как – все обо всех всё знают: кто и сколько берёт за хорошую отметку. Не то, что раньше. Ну, были протезы, но единицы. Теперь всё решают деньги. И что интересно – сделать ничего нельзя. Система срабатывает. Я пытался и так, и сяк с ней бороться. Но

тщетно. И начинается всё на стадии репетиторства. Репетитор, как правило, наш преподаватель, начинает готовить своего клиента за год до экзаменов. Естественно, за деньги и довольно приличные. Ну, а потом и вовсе выводит на вступительный экзамен через нужных экзаменаторов. Все жить хотят. На зарплату ноги протянешь, вот и берут. При этом поймать с поличным почти невозможно. Все шито-крыто. Каждый год меняю председателя и состав экзаменационной комиссии, а толку никакого. Всех преподавателей не сменишь.

– Да... – протянул понимающе Савва Николаевич, откинувшись на спинку кресла. – Везде одно и то же. Вы думаете у нас на периферии лучше? То же самое. Правда, методы другие. У нас берут якобы пожертвования на ремонтные работы, покупку техники и всё в этом духе. А кто сколько взял, можно лишь догадываться. Вот времена пошли... Владимир Александрович, а может, мы сами виноваты, что так пошло дело? Вот я к вам приехал просить за внука, потом ещё кто-то, и так дело расширяется на всех уровнях.

– Да бросьте вы, Савва Николаевич, ерунду-то, извините, говорить. Я вот вашего внука считаю особенным случаем, протее, так сказать, по сословию врачебному. Это всегда было и всегда будет. Кроме того, я же не собираюсь зачислять внука без экзаменов. Сдавать будет как все. Я лишь дам команду проследить, чтобы не завалили. А как сдаст, такой и будет результат. Не сдают часто не потому, что не знают, а от волнения или от напора экзаменатора. Хоть какого вундеркинда завалят, если захотят. Вот и весь секрет моего участия. Да я даже каждому профессору на кафедре лимит на своего, можно сказать, протее установил, чтобы хоть какой-то порядок в этом вопросе навести. Да где там! Нет, Савва Николаевич, живём мы в другое время, и методы другие. Поэтому приходится приспосабливаться, если хочешь выжить.

– Это верно, – в очередной раз согласился Савва Николаевич. – Я вот, к радости многих моих коллег могу отказаться от участия в экзаменах, а вам невозможно – положение обязывает. Сочувствую! А давайте, Владимир Александрович, ещё по одной рюмке. Да мне пора и честь знать. Тем более дел у вас неуправляемый. И дома, судя по всему, напряжёнка. Не хочу ваше время отнимать.

Владимир Александрович разлил ароматный коньяк по бокалам:

– Всех дел всё равно не переделаешь, а с коллегами так душевно не часто поговоришь, – грустно заметил он и предложил: – Давайте за новую встречу поднимем этот бокал!

– Согласен, – ответил Савва Николаевич.

– Вот и чудно.

Они чокнулись и молча выпили.

– Теперь до августа. Жду вас здесь в это же время. Надеюсь, выпьем за нового студента Мартынова-младшего, – уже серьёзно напутствовал Владимир Александрович своего коллегу.

Они обнялись, и, попрощавшись, Савва Николаевич вышел из кабинета ректора. На улице ветер приятно охладил разгоряченного коньяком и беседой Савву Николаевича. Он ещё раз посмотрел на окна своего бывшего общежития, грустно улыбнулся и зашагал к машине. «Прошлого не вернуть», – подумалось ему в эту минуту.

Глава 3. Случайность и закономерность

* * *

Откинувшись на спинку сиденья, Савва Николаевич минуты две молчал, справляясь с мыслями. Водитель, крепко сбитый парень, терпеливо ждал распоряжений и не торопил шефа, зная его решительный характер и отрицательное отношение к разным расспросам.

– Вот что, Паша. Кати-ка ты меня домой. Хочу в нашу деревню, – вдруг выдал, к удивлению водителя, Савва Николаевич. – Не возражаешь?

– Нет, конечно, Савва Николаевич. Мне этот Питер вот где!

И Паша провёл ладонью по шее.

– Ты ладно, ладно, не очень-то распаяйся. Питер ему надоел! – с деланной строгостью пробасил Савва Николаевич. – Как что кому надо, так все в Питер, а так, видишь – надоел!

– Да я это к слову... – оправдывался Пашка.

– К слову – не к слову, а всегда так. Получил своё и забыл. Плохо это, – проворчал Савва Николаевич, уже не обращая внимания на водителя, который развернул машину и, плавно вливаясь в поток транспорта, понёсся в сторону N-ска.

Паша сосредоточенно и молча крутил баранку, видя, что шеф не расположен к разговорам. Савва Николаевич действительно ещё не отключился от своего непростого разговора с ректором и пытался его переосмыслить.

За окном мелькали знакомые до боли Лиговский проспект, потом Московские Ворота, памятник Победы. Сделав поворот вокруг него, машина плавно вписалась в широкое Московское шоссе и стремительно полетела вперёд, лишь изредка притормаживая перед светофорами.

«Удивительно! – отметил про себя Савва Николаевич. – Всё идёт как по маслу. Даже привычных пробок на дороге нет. К чему бы это?» Точного ответа на вопрос у Саввы Николаевича, конечно, не было, хотя догадок сколько угодно. Возможно, там, на небесах, кто-то из тех, кто давно следит за его судьбой, решил преподнести Савве Мартынову подарок за всё то выстраданное и пережитое, что было в его жизни. Савва Николаевич прикрыл глаза и под убаюкивающую мелодию джаза, звучащую с любимой дорожной кассеты, медленно стал погружаться в свои воспоминания.

* * *

Савва снова увидел себя пареньком, сдающим государственные экзамены в школе. На удивление завучу и многим преподавателям, Савва получал одни пятёрки. Весть о том, что Савва знает какой-то секрет, позволяющий безошибочно отвечать на самые каверзные вопросы экзаменаторов, быстро разнеслась по школе. На него стали делать ставки, споря между собой, на сколько баллов он сдаст очередной экзамен. На кон ставилась пачка папирос, иногда дело доходило до полтинника. А Савва, словно загипнотизировав экзаменаторов, по-прежнему получал одни отличные оценки, иногда даже с плюсом. Молва дошла и до директора. Лев Абрамович вызвал Савву к себе в кабинет и без предисловия приступил к делу.

– Понимаешь, Савва, мы не рассчитывали, что ты будешь сдавать экзамены на отлично, и не запланировали для тебя медали. Сам знаешь, у нас всё по плану, а ты выбился. Так я хочу у тебя попросить прощения, если ты завтра получишь четвёрку. Мне за неплановую медаль голову в главке в Управлении образования оторвут.

– Лев Абрамович! Что вы так из-за меня переживаете? Если надо – ставьте тройку, чтоб наверняка.

– Ты не шути с этим, Савва. Я тебя серьезно спрашиваю: обидишься или нет? Я ж с твоим батькой в одном окопе подо Мгой лежал, когда наш эшелон «юнкеры» бомбили. Николай Кириянович спас меня, вытащив на себе контуженого. Все думали, что я убит осколком: лицо было серое, без чувств. А он меня не бросил, дотащил. Так что я по гроб жизни твоему отцу обязан и не могу так просто тебя обидеть, а значит, твоего отца тоже.

– Лев Абрамович, вы мне и так уже помогли, когда приняли в школу, и потом, когда меня за драку из школы хотели исключить и когда назначили помощником завхоза по посадке деревьев... Я не обижусь, честное слово... Не волнуйтесь.

На выпускном вечере Савва был вызван для получения аттестата зрелости третьим, после двух медалистов. Лев Абрамович, вручая аттестат, сказал так:

– Он не получил медаль не потому, что не заслужил, а потому, что не захотел...

И под шквал аплодисментов вручил Савве вместе с аттестатом свидетельство водителя-профессионала III класса и удостоверение автослесаря 3-го разряда. Потом был школьный бал.

Савва был одет в прекрасный серый импортный костюм с едва заметной клеткой, расклешённые брюки и узкие туфли, подаренные тёткой по случаю окончания школы. Белоснежная рубашка и голубой широкий галстук просто преобразили Савву. Он пользовался бешеной популярностью среди девчонок. Савва танцевал и целовался со всеми подряд.

Но тут случилось одно непредвиденное событие, навсегда оставшееся в памяти Саввы. Его и ещё нескольких одноклассников пригласил к себе домой Володька Бузин, хороший парень, с которым Савва был в приятельских отношениях. В доме недалеко от школы был накрыт стол, стояли несколько бутылок крепкого вина и водки. Отец Володьки, Кир Бузин, разлил всем вино, а себе водки, произнёс душевный тост, и они дружно выпили, а затем набросились на отварную картошку с тушёным мясом. Когда шум за столом достиг апогея, в зал неожиданно зашёл Алик Русан. Он поставил на стол две бутылки шампанского и коробку конфет.

– Это для девчонок, – сказал он, показывая на шампанское и конфеты. – А я хочу водочки.

Кир налил ему стакан, Алик молча опрокинул его, обвёл собравшихся взглядом и, увидев Савву, расплылся в улыбке:

– Кого я вижу! Настоящий лорд, денди лондонский, фраер... А что, слабб тебе со мной водочки стакан выпить и потом пойти на танцы? Покажи всем, какой ты мужик на самом деле!

Савва, никогда не пивший так много спиртного, сказал:

– Наливай!

Володька Бузин схватил Савву за рукав:

– Не делай этого! Он же тебя провоцирует!

Савва молча отодвинулся от Володи, подошёл к столу, взял бутылку водки и налил целый гранёный стакан. Поднес ко рту и медленно, глоток за глотком, всё выпил.

Что было потом, он помнил плохо. Его тошнило и рвало до крови. Савва весь вечер выбежал из школы во двор, где от подступавшей дурноты выворачивало желудок наизнанку. И никак нельзя было унять этот рвотный рефлекс. Бледный, шатаясь, Савва ходил между танцующими, не понимая, зачем он здесь находится. Наконец его отловила и взяла за руку Женька Жукова.

– Я смотрю, тебе плохо? Давай пойдём ко мне, чаю крепкого заварю и всё пройдет.

Савва не сопротивлялся. Они обнялись, вышли в школьный сад и растворились в тумане белой ночи.

Под утро Савва пришёл к дому, бараку на четыре семьи, где жили его родители и он с братом и сестрой. Он молча открыл калитку и тихо зашёл в коридорчик дома. Дверь была не

заперта. Войдя, Савва вытащил аттестат и два удостоверения, положил их на стол в комнате. Вошла мать. Савва показал ей на первые в жизни заработанные своим трудом документы и сказал:

– Вот, мама, аттестат об окончании средней школы, водительское удостоверение и свидетельство автослесаря. Поздравь меня!

Мать, не спавшая всю ночь, молча заплакала и обняла сына.

* * *

О том, кем ему стать, Савва не то чтобы не мечтал, но долго не мог определиться. То он видел себя во мчащемся на всех парах паровозе: мелькают деревья, бесконечные полосы рельсов, станции с дежурными в красных фуражках, журавлиные силуэты семафоров, волшебные и манящие огни ночных городов. Иногда ему виделся большой, даже огромный завод и цех, где крутятся гигантские станки, а он среди этого машинного и механического хаоса на какой-то площадке за стеклом вытачивает большущие детали. Не прочь он был стать и шофером, особенно после фильма «Иван Бровкин на целине». Очень уж ему был симпатичен этот деревенский парень с гармошкой, превратившийся из разгильдяя и обычного деревенского озорника в орденоносца, одетого в красивый светло-коричневый костюм. Вот она – народная слава, любовь девушек! Портреты актера, игравшего роль Ивана Бровкина, расхватывались в один миг. Савва видел его даже дома у Ники. Хотя на вопрос, нравится ли он ей, она ответила:

– Нет. Просто он чем-то похож на тебя.

В общем, Савве хотелось быть сразу всеми: и моряком, и машинистом, и слесарем на заводе. Но была одна очень важная деталь – Савва очень хотел, чтобы его будущая профессия давала столько денег, чтобы он мог жить свободно и покупать любые вещи, построить хороший дом и купить большой мотоцикл с коляской, чтобы с ветерком катать Нику.

По наивности Савва задал вопрос своему отцу:

– Пап, а кто много денег получает? Твой начальник?

Отец ответил просто:

– Вот они, – и он показал рукой на чёрный круг фибрового радио, висевшего на стене.

– Кто они? – не понял Савва.

– Да те, кто поёт и небылицы рассказывает, – пояснил отец и замолчал, занявшись своим любимым делом – починкой разорвавшихся валенок.

Савва прислушался. Из радио доносилась какая-то весёлая музыка и грудное пение. «Оперетта», – мысленно распознал Савва. «За что же они большие деньги получают, ничего не делая?» От этой мысли он даже чуть не расплакался, но к отцу с подобными вопросами больше не приставал.

Однако в жизни не бывает ничего случайного, хотя Его Величество Случай играет в происходящем большую, иногда главную роль. Но и эти случайности в общей цепи закономерностей почти всегда находят свое логическое объяснение. Хотя в момент свершения факта или события все связывают случай только с Судьбой. Ведь человеку так хочется верить, что если бы не эта случайность, он стал бы обязательно другим – великим, знаменитым, а не, наоборот, преступником, падшим на дно жизни человеком. И невдомек ему, что за всем стоит его судьба, но не в белых одеждах ангелов, а лишь как целевая установка, вырабатываемая с раннего детства. Иногда она иллюзорна, витает во снах, в грёзах или мечтах. Но именно она является определяющей линией жизни. Почва души подготовлена, чтобы попавшие в неё семена дали те или иные всходы. Но чтобы всходы были обильными, а результат не сорной травой, нужны мудрые, добрые и терпеливые сеятели. Без них почва будет рождать непотребное.

Как-то на школьных соревнованиях Савва спросил длинного спортивного парня из параллельного класса Витьку Гудилова:

– Что будешь после школы делать? В институт спорта поступать?

Тот неожиданно ответил:

– Что я, дурак всю жизнь прыгать и бегать? Нет, я пойду в медицину. Мои родители оба в медицине. Батя врач в железнодорожной поликлинике, а мать медсестра. Белые халаты, уважение и зарплата не хуже, чем у других. Чем тебе не профессия?

– Да ну, скучная работа, – ответил тогда Савва. – Сидеть целый день в кабинете и делать уколы.

– При чём тут уколы? Профессий среди врачей много. Я вот выбрал специальность санитарного врача и буду в Ленинграде поступать на санитарный факультет. А вон Женька Вельяминов из десятого «А» собирается в тот же институт на лечебный факультет, хочет быть врачом терапевтом. А есть ещё хирурги, невропатологи, окулисты... Да мало ли направлений в медицине! Давай вместе с нами, Савва. Из тебя хороший врач получится.

– Это почему?

– Ты добрый и решительный.

– А разве это важно?

– Не скажи. На доброте вся медицина держится. Без этого нельзя. Я вот не очень добрый, поэтому и пойду в санитарные врачи, там строгость нужна. А тебе лучше в лечебники.

– Ладно, подумаю, – пообещал Савва.

Потом они перевели разговор на другую тему, и Савва совершенно забыл о нём.

Вспомнил об этом разговоре Савва как-то вечером, на свидании с Никой. Они вышли из парка, где на танцплощадке вовсю гремела музыка. Но им хотелось уединиться, как всем молодым и влюблённым. Войдя в тень густых кустарников за клубом, они тут же принялись целоваться. Их жаркие объятия были нежны и трогательны. Всё видящие мальчишки тут же закричали:

– Жених и невеста! Тили-тили тесто!

Савва не стал их гнать, улыбнулся и тихо прошептал Нике:

– Пойдём к реке, там, наверное, никого нет.

Ника согласно кивнула. По дороге она неожиданно спросила:

– Савва, ты куда решил поступать? Я слышала, что полвыпуска в ЛИИЖТ заявления подали.

– Не знаю, пока не определился, – уклончиво ответил Савва.

– А что родители-то советуют?

– А что они посоветуют? Выбирай сам, тебе жить.

– Ну, а ты? Что бы ты хотел? – не унималась Ника. – Какой-то ты странный.

– Почему?

– Ну, не знаю... Все уже давно всё решили, кто куда пойдет. Один ты не знаешь. А может, ты скрываешь от меня? – вдруг с неожиданным смехом спросила Ника.

– А чего скрывать-то?

– Мало ли? Все говорят, что на выпускном ты танцевал со всеми девчонками подряд и ушёл неизвестно с кем и куда.

– Ника, я тебе уже всё давно объяснил. Не поднимай эту тему, если не хочешь, чтобы мы рассорились.

– Ну как не поднимай? Я всю ночь не спала, всё ждала, когда ты наконец придешь и пригласишь меня.

Ника отняла свою тёплую руку с плеча Саввы и остановилась. Савва тоже остановился:

– Ну, зачем ты так? Мы же договорились к этой теме не возвращаться. Давай наперегонки, кто быстрее до речки добежит, тот и будет решать, продолжать этот разговор или нет. Чтобы раз и навсегда поставить точку! Идёт? – продолжил он.

– Идёт. Только смотри, не проиграй, – задорно ответила Ника. – Дай только туфли сниму.

И она решительно стащила, прыгая с одной ноги на другую, белые туфли-лодочки.
– Раз, два, три! – крикнул Савва, и оба пустились в стремительный бег.

До реки было метров пятьсот, и Савва понимал, что выиграть девушка не может. На этой дистанции в школе не было ему равных. Но, с другой стороны, с ним бежит его Ника. Он решил дать ей фору. Её красивое изящное тело мелькнуло перед ним и унеслось, как ветер, вперёд. Савва потратил много усилий, чтобы почти у самого финиша обогнать Нику. Оба, запыхавшиеся и счастливые, обнялись и стали снова целоваться. Разгорячённый бегом, возбуждённый страстными поцелуями, чувствуя всем своим естеством юное тело Ники, по которому непроизвольно заскользили руки, Савва словно в тумане зашептал то, чего он никогда не посмел бы сказать раньше при других обстоятельствах:

– Я хочу тебя! Я хочу тебя! – ещё, и ещё, много раз шептал Савва на ухо Нике.

А Ника только ближе и ближе прижимала свое тело к Савве. Ещё миг и свершится то, чего ему так хотелось. Но вдруг Ника, его Ника, уже почти отдавшаяся ему целиком и полностью, словно спохватилась. Её тело вдруг приобрело пружинистую твердость. Она одним сильным, но не резким движением вырвалась из объятий Саввы.

– Ты что, с ума сошел? Я же не могу!.. Не могу. Неужели тебе непонятно? Савва, милый, любимый. Ты не обижайся! Но я ещё не могу. Не потому, что не хочу, но так надо. Я ведь ещё школьница, понимаешь? Школь-ни-ца! – повторила Ника по слогам.

И вдруг совсем неожиданно предложила:

– А давай купаться?

И раздевшись в секунду до купальника, Ника бросилась в тёплую, нагретую летним солнцем воду.

– Красота! Давай, Савва, ко мне!

Савва, не раздеваясь, в рубашке и брюках, скинув только ботинки, бросился к Нике, обдавая её брызгами и крича на всю округу.

– Я люблю тебя...

– Ты сумасшедший, сумасшедший, Савва! – кричала в ответ от восторга Ника.

Короткая летняя ночь им показалась ещё короче. Выжав мокрые брюки и рубашку, Савва бросил их на ветки сушиться, а сам взялся за раздувание потухших углей костра, который оставили мальчишки, купавшиеся здесь вечером. Вскоре огонь весело заплясал на корявых сучьях кинутых в него веток.

Присев на выброшенное весенним половодьем бревно, они оба, уставшие и мокрые, замолчали, уставившись на огонь. Лёгкий туман слегка серебрил пойму реки. Солнце ещё не взошло, но восток уже зарозовел, как розовеет клубника, одним боком. Уже давно смолкла музыка на танцплощадке, и только стрекотание кузнечиков да редкие вскрики начинающих просыпаться птиц нарушали тишину летнего утра.

Савва много-много лет спустя вспоминал это утро как самые лучшие часы в своей жизни.

– Господи! До чего красиво! Хоть бери краски и рисуй картину, – прошептала Ника.

– Утро наступает, потому так и хорошо, – ответил Савва, обнимая за голые плечи Нику.

– Ладно, ладно, не подлизывайся. Кто мне пробки делал? Волосы, видишь, все мокрые.

– Высохнут. Сейчас, огонька в костре прибавлю, а потом и солнце взойдет, – ответил

Савва и собрался подбросить веток в костёр.

Ника не пустила.

– Сиди, мне так хорошо, ты не представляешь.

– Да ты же замерзла, Ника, спина вся холодная! И губы вон посинели.

– Правда? – вскопчила испуганно Ника. – Не может быть, не чувствую холода.

– Да шучу я, пошутил... – спокойнее произнес Савва и засмеялся. – А ты и поверила...

– Нет, тебе, Савва, верить нельзя. Непонятно, где ты шутишь, а где всерьёз, – надула губки Ника.

Савва, ничего не ответив, хотел поцеловать Нику, но та обиженно поджала губы:

– Ну и шутки у тебя! Разве так можно с любимой девушкой? Или тебе все равно, что ей говорить? – не унималась Ника.

– Смотри! А вот и солнце! – радостно воскликнул Савва, показав на первые робкие лучи солнца над кромкой леса.

– Ура! – вскочила и закричала Ника. – Да будет солнце!

Они обнялись и стали танцевать какой-то дикий, только им понятный танец. Наконец, устав, они решили, что пора домой.

– Как твои родители? Что скажут? – спросил Савва.

– Да никак. Я сказала, что буду у подружки.

– Врать нехорошо.

– А я и не вру. Сейчас ты меня проводишь к ней.

– К кому?

– Пока не знаю. Пойдём сначала к Таньке Зыкиной, она наверняка дома.

– А если нет?

– Тогда к Лариске. Хотя той точно может не быть. Она наверняка со своим Владом время где-нибудь коротает.

– Ладно, пойдём. Там видно будет.

Они зашагали в сторону посёлка. Косые лучи восходящего солнца стелили им дорожку, как ковер, а пение птиц словно оркестр благословляло их в новое будущее. Уже подходя к дому, где жила подружка Танька, Савва остановился и как-то само собой ответил на трудный вопрос, который незримо присутствовал при их разговоре:

– Ты знаешь, я буду врачом.

– Кем? Врачом?

– Да, врачом. Завтра же, вернее уже сегодня, отошлю документы в мединститут, – сказал он уверенно, словно решение этого вопроса сняло с его плеч тяжёлую ношу.

– Савва, ты, конечно, большой оригинал, но сейчас ты даже сам себя превзошёл. Слушай, а я тоже стану врачом. Хочешь?

– Хочу.

– Ладно. Нужно сначала поступить. Одного желания мало.

– Поступлю. Вот руку даю на отсечение.

– Зачем руку? Достаточно, что ты поцелуешь меня сто раз, а если не поступишь – двести.

И они оба весело засмеялись. Ника скользнула в калитку.

– Пока. Мне пора. Скоро люди на работу пойдут, не очень хотелось бы засветиться. Да и тебе пора – когда ещё до своего двести седьмого доберёшься.

Ника тронула дверь, ведущую в дом. Та бесшумно открылась. Танька, её верная подруга, подстраховала, не закрыла дверь на крючок.

Савва потянулся, вдохнул поглубже утренний пьянящий аромат цветущей сирени и бегом вприпрыжку рванул по дороге, ведущей к его дому на разъезде.

Он бежал, и ему было жаль, что школьные годы так быстро закончились. Вперёди его ждала неизвестная, но такая интересная жизнь! А в том, что это будет так, Савва не сомневался ни секунды.

Глава 4. Везёт дуракам и тем, кто трудится

Савва решил взять и этот олимп – поступить в институт. Связей и знакомых у него, конечно, не было, и институт для поступления он выбрал по рекомендации приятеля по спорту Витьки Гудилова – Второй медицинский в Ленинграде, лечебный факультет. Купив в киоске справочник для поступающих в вузы, Савва быстро нашёл нужный ему адрес института. Ещё ни разу не увидев этот таинственный институт, Савва проникся интересом и симпатией к названию района, в котором тот располагался – «Куракина дача».

Написав заявление, положив в конверт три фото и справку о состоянии здоровья, а также аттестат об окончании школы, Савва отправил всё заказным письмом по указанному адресу. Ответ не заставил себя долго ждать. Через полторы недели пришло сообщение: заявление и документы приняты, просьба явиться на первый экзамен по физике первого августа, при себе иметь данную справку-вызов и паспорт или иное удостоверение личности.

Савва всполошился – паспорта у него не было, была лишь метрика о рождении и справка о родителях. Он пошёл в паспортный стол милиции, и там ему объяснили, что паспорт выдается в восемнадцать лет, а сейчас не положено.

– Обойдётся метрикой и справкой, заверенной председателем сельсовета, что ты, такой-то и такой-то, живёшь там-то и там-то. И всё, этого хватит.

Савва быстро собрал документы в кучу и, взяв тайм-аут во встречах с Никой, приступил к штурму экзаменационных билетов, а точнее вопросов, которые были размещены в том же справочнике для поступающих.

Вопросов по физике для гуманитарных вузов оказалось более ста. Разделив их по три вопроса, он получил тридцать три билета. Затем Савва сгруппировал вопросы по темам; у него получилась своя, домашней заготовки, экзаменационная картотека. Он прикинул, что если до экзамена осталось три недели, то в день ему нужно ответить не меньше чем на пять вопросов. И Савва приступил к делу. Забравшись на сеновал и обложившись книгами, начал штурмовать науку, запоминая наизусть бесчисленные формулы, законы, выводы и следствия. Работа его увлекала настолько, что он забывал про обед. И когда спускался вниз и шёл в дом, шатался от усталости. Мать беспокойно смотрела на сына, не узнавая его.

– Ты часом, Саввушка, того... Не чокнулся? Отрешённо как-то смотришь...

– Нет, мам, не чокнулся. Формулы мне нужно запомнить, вот и занят этим.

– Во время еды?

– И во время еды тоже. Времени в обрез, нужно успеть.

– Ну, учи, учи, не буду мешать. Хоть батька и ругается, что не помогаешь ничего по дому. Да ладно, дело у тебя серьёзное. А с хозяйством как-нибудь сама разберусь. Учи, сынок. Даст Бог – поступишь.

Савва кивал, глотая куски яичницы с картошкой и запивая всё свежим молоком.

В Питер он решил поехать заблаговременно, разведать что да как. Написал письмо тётке, через неделю выехал. В кармане у него было десять рублей, а в руке сетка с книжками.

Антонина Петровна, тётка Саввы по материнской линии, встретила гостя радушно: живи, готовься, я целый день на работе. Так что мешать никто не будет. Тётка была не замужем, детей своих не имела и к младшему Мартынову относилась как к сыну. Часто приглашала к себе на каникулы и вообще старалась заботиться о нём, как могла. Узнав, что Савва подал документы в медицинский, очень удивилась и не одобрила:

– Зачем суёшься? Там и без тебя не протолкнуться от желающих. Одних ленинградских блатников сколько? Шёл бы в военное училище. Там дисциплина, хорошая стипендия, форма одна чего стоит! Не знаю, дело, конечно, твоё, но я бы не советовала в медицинский, провалишь экзамены и в армию загремишь. Тебе когда восемнадцать исполняется?

- Осенью.
- Ну вот, не сдашь и сразу забреют.
- Да сдам я, тетушка, сдам.
- Вот ведь упрямый! Весь в батьку. Сдашь, говоришь? Ну конечно... Тогда учи. Не буду мешать.

Тётка действительно целый день работала, вечером готовила что-нибудь из еды и оставляла племяннику, а Савва всё время штудировал вопросы и ответы.

Время быстро подошло к экзаменам. Раза два Савва приезжал на Куракину дачу посмотреть и разведать, что это за институт такой. Огромная территория с полсотней зданий, которые в институте все по традиции называли павильонами, поразили воображение Саввы. Но растерянности он не испытывал. Узнав подробности об экзаменах, что и как, посетив несколько раз консультации, которые проводили преподаватели института, понял, что это не для него. Кроме анекдотичных вопросов и таких же ответов на них там ничего нового он не узнал. К примеру, как ответить на вопрос: почему бутерброд всегда падает на пол маслом с колбасой, а не наоборот? Решив для себя, что это потеря времени, Савва надеялся только на учебники и своё трудолюбие, а также на составленный им план подготовки. К концу последней недели перед экзаменом Савва уже чувствовал себя вполне созревшим. И вот настал его срок. В назначенный день ровно в десять часов Савва прибыл на экзамен.

У павильона, где шёл экзамен по физике, было целое столпотворение. Кто кричал от радости, высоко подпрыгивая, кто-то навзрыд плакал, кто-то как безумный ходил взад-вперёд и бормотал формулы. Рядом с абитуриентами стояли их родители, которые кидались к каждому вышедшему с экзамена, чтобы узнать, какие вопросы были в билете. Быстро записывали и кидались к следующему, составляя таким образом общую картотеку экзаменационных билетов и ответов на них.

Савва не стал ни во что вникать и зашёл в здание. Прохладой и тишиной встретил его экзаменационный зал. Савва подошёл к столу, где были разложены билеты, протянул свой экзаменационный лист молодой женщине, сидевшей за столом. Та посмотрела его документы, сверила со списками и, поставив галочку у его фамилии, сказала:

– Берите билет.

Савва, не задумываясь, вытащил первый лежащий с краю билет.

– Номер? – спросила женщина.

– Тридцать два, – ответил Савва.

– Хорошо, садитесь вон там, – и показала на стол, за которым уже сидела какая-то девушка. – На подготовку двадцать минут.

Бегло прочитав вопросы и посмотрев задачу, Савва понял, что материал этот знает и даже готов отвечать сразу. Однако, подумав, решил, что спешить не следует: нужно решить задачу. Задача оказалась не трудной, но громоздкой. Через пару минут, когда нашлось решение, Савва поднял руку.

– Вам что, молодой человек? – подошёл к нему вкрадчивой походкой розовощекий невысокий мужчина в белом халате.

– Я готов отвечать.

– Чудесно. Тогда садитесь, вот, на стул к моему столу, – он показал на большой стол, стоящий почти в центре зала. – Я сейчас подойду, и мы побеседуем.

Савва неторопливо встал и, пройдя по залу, сел на указанное место.

Сзади он услышал чей-то глухой шёпот:

– Дурак! Тебя завалят. Иди к другому...

Савва так и не понял, кто кого завалит и к кому нужно идти. Поэтому не стал отвлекаться и сосредоточился на ответах.

Розовощёкий экзаменатор вскоре подошёл и сел за стол, удалив перед этим какую-то симпатичную девушку за списывание со шпаргалки.

– Ну-с, вы готовы отвечать, молодой человек?

– Да.

– А чего листы чистые?

– Я по памяти.

– Ну-ну. Тогда давайте.

Савва быстро, но без лишней суеты, стал отвечать на вопросы. Экзаменатор удивленно поднял брови, слушая ответы.

– Что, билет знал заранее? – спросил он.

– Нет. Билет только сейчас вытащил.

– Но тут есть вопросы явно не из школьной программы. Где учился? В физико-математической школе?

– Нет, в обычной, средней.

– А в какой?

– В 66-й.

– Где такая?

– В Сосновке.

– Это что такое – Сосновка?

– Узловая станция в N-ской области.

– И там у вас так хорошо преподают физику? – не поверил экзаменатор.

– Да. Исаак Моисеевич, наш физик, гонял нас сильно по своему предмету... – как бы развеивая сомнения, ответил Савва.

– Хорошо. Тогда я задам тебе пару вопросов на сообразительность. Ответишь – поверю. Нет – вернёмся к теме билета. Согласен?

– Да, – кивнул Савва.

Вопрос был непростым, но ответ на него Савва не то чтобы знал, но почувствовал, как надо правильно ответить.

– Где точка росы совпадает с абсолютной влажностью в домашних условиях? – задал свой первый вопрос экзаменатор.

– В бане, – без заминки ответил Савва.

– А точнее?

– В парной.

– Ты скажи! Молодец!

На второй вопрос из этой же серии Савва ответил также без труда. Видимо, пригодился всё же опыт, полученный на консультациях, когда говорили о нестандартных вопросах и ответах.

– Ну... Задачу ты решил правильно. Только почему в пять действий. Можно упростить и решить за три.

– Мне так удобнее. Одно вытекает из другого и вероятность ошибки меньше.

– Да... – многозначительно произнёс дотошный экзаменатор. – Ты меня приятно удивил, честное слово. Ставлю «отлично», и скажи спасибо своему Исааку Моисеевичу. Он это заслужил.

Савва встал, сказав «спасибо», взял листок с оценкой и пошёл к выходу.

На крыльце на него сразу же набросились:

– Ну что, завалил проклятый Эдик Эдисон? Чего ты к нему рванул? Я ведь тебе подсказывал! – кричал какой-то парень сбоку. – А ты, как чокнутый, в пасть к крокодилу попёр...

– Да нет, не завалил, – ответил Савва.

– Какая оценка? Тройка?

– Отлично, – уверенно ответил Савва и показал экзаменационный листок.

– Вот вундеркинд! Эдисону сдать на отлично!

К нему тут же кинулась толпа записывать вопросы билета и ответы на него. Но Савва ещё не понял, какой он совершил подвиг, сдав экзамен на отлично заведующему кафедрой Эдуарду Семёновичу Науменко, известному крушителю мечтаний многих юношей и девушек стать врачами. Физика была главным или, как говорили тогда, профилирующим предметом. Что профильного между физикой и медициной трудно сказать, но факт остаётся фактом и дожил до наших дней.

Вернувшись к тётке, Савва от усталости рухнул на диван: последние три дня почти не спал, готовясь к экзамену. Так он и проспал до самого утра, не слышал, как пришла вечером тётка, как она готовила на кухне ужин, пыталась его разбудить, потом махнула рукой, пусть, мол, выспится. Посмотрев в бумажку и увидев там пятёрку, пробормотала:

– Надо же, упрямый какой, сдал всё же свою физику. Из этого парня, видно, что-то получится.

Тётка накрыла спящего Савву одеялом и перекрестила его.

* * *

Второй экзамен, сочинение, был через три дня. Готовиться к нему это всё равно что к стихийному бедствию, когда все предупреждены, что будет буря, но когда и какой силы – точно никто не знает. Так и тут. Тем сочинений много, но какая и какой трудности достанется тебе – никто не может предсказать. Поэтому Савва пробежал школьную программу сочинений, уделив особое внимание классике, так как справедливо решил, что хоть одна тема должна быть связана с классической литературой. Так оно и вышло.

Когда в аудитории вскрывали конверт и зачитывали темы, Савва сразу же решил, что будет писать о поэте Владимире Маяковском. Хоть он и не большой любитель его поэзии, но тема всё же более знакомая, чем другие.

Писал сочинение Савва короткими фразами, стараясь не наделать ошибок в сложных предложениях, обдумывая и взвешивая каждое слово. В результате получилось небольшое по объёму, но вполне приличное по содержанию сочинение, и Савва с облегчением его сдал в конце отведенного для испытания времени.

Как и на экзамене по физике, наблюдавшие за процессом педагоги периодически выводили из огромной аудитории тех, кто пытался списать со шпаргалки. Савва автоматически насчитал человек шесть или семь. Поэтому решил своими шпорами не пользоваться и не рисковать. Они лежали только для подстраховки в заднем кармане брюк.

Результаты сочинения стали известны через день. На огромном стенде Савва нашёл свою фамилию в отметках «хорошо». Рядом совсем юная грузинка громко смеялась, видно, от радости, показывая на список. Она гортанно что-то говорила своей подруге. Савва разобрал только слово «Цицо». Видно, так звали подругу, и как понял Савва, она тоже сдала экзамены.

Как потом оказалось, эта девочка, грузинка, стала студенткой и была включена в его группу. Звали её Нина Иолиани, а её подруга действительно носила редкое для грузинки имя Цинцино – среди друзей и подружек она была просто Цицо. А радовалась Нина тому, что смогла написать сочинение на русском языке на «отлично», тогда как две её подруги, русские, написали на двойки.

Приехав домой, Савва объявил тётке, что вопрос с поступлением вышел на финишную прямую. Осталось сдать химию. Тётка на это ответила философски, что, мол, химия это не физика, тут всё ясно и просто. Берёшь одно, перемешиваешь с другим, видишь реакцию и описываешь результат. Так, во всяком случае, ей это представлялось. Сама она работала на

бумажной фабрике и считала себя неплохим специалистом по химии. Хорошо знала формулы квасцов, используемых при выделке бумаги, и часто охотно рассказывала об этом племяннику.

Но сам экзамен оказался не таким уж и простым, как представлялось Савве. И хотя предмет не был профильным, получить на нём нужно было не ниже четверки, иначе можно было не пройти по конкурсу. Как всегда, Савва упорно готовился, читая и перечитывая учебник Хомченко, заглядывая в свои старые школьные тетрадки с задачками. Наконец он решил для себя, что к экзамену готов.

Утром следующего дня Савва одним из первых стоял перед экзаменационной комиссией. Как обычно, не выбирая, взял первый попавшийся билет и направился к столу для подготовки. Когда он шёл, то заметил одиноко дремавшую старушку за небольшим столиком, около которого стоял пустой стул. «Наверное, наблюдатель от общественности», – подумал про себя Савва, усаживаясь за стол для подготовки. Такие лица были тогда в качестве гарантов, что экзамен проходит честно и под контролем общественности.

Билет попался Савве мудрёный, пришлось сильно напрячься, прежде чем он разгадал смысловую нагрузку трудной задачи. Решив её, Савва снова решил отвечать, не дожидаясь, пока его вызовут. Посмотрев на трёх экзаменаторов, сидящих за длинным столом, он увидел, что к ним уже выстроилась большая очередь. Тут к нему подошла молодая девушка-лаборантка и предложила идти отвечать к той милой бабушке, что тихо дремала в своем уголке.

– Конечно, без проблем, – бодро ответил Савва. – Сейчас иду.

И быстро зашагал к бабуле. Подойдя ближе, Савва заметил, что, несмотря на свой древний возраст, бабуля очень хорошо выглядит. Одета она была в безукоризненную светло-кремовую сорочку с вязанным кружевным воротником, светлый костюм из джерси, модного тогда материала. Выглядела совсем уж не бабушкой, а скорее старой академической дамой, что, собственно, и соответствовало действительности.

Судьба подарила очередной сюрприз – Савва попал на экзамен к самой Екатерине Поликарповне Суминой, известному химику, одной из учениц Дмитрия Ивановича Менделеева, автору многих научных открытий и учебников.

– Садитесь, – тихо, но твёрдо, со старческой хрипотцой в голосе произнесла она, показав на стул, и стала читать билет, надев очки со шнурком, больше походившие на пенсне.

– С какого вопроса хотите отвечать? – спросила она, всматриваясь в лицо Саввы.

– По порядку, – ответил он.

– Давайте с первого вопроса и начнём.

Выслушав ответ Саввы, она сказала:

– Давайте следующий.

И так все три вопроса бабуля молчала и слушала. У Саввы возникло сомнение, слышит ли она его вообще. Но когда он закончил отвечать, бабуля вдруг оживилась:

– Молодой человек, а можете вы мне в двух словах объяснить ённую теорию?

Савва с удивлением посмотрел на экзаменаторшу, как будто она спросила что-то совсем непотребное.

– Извините, не понял. Какую теорию? – как можно вежливее и вкрадчивым голосом переспросил Савва.

– Ённую.

– Ённую? – переспросил Савва ещё раз.

– Да-да, именно ённую, молодой человек.

Савва молчал, лихорадочно вспоминая слова «ённая теория». Не может быть, чтобы он её пропустил при подготовке, просто она куда-то провалилась в памяти. И Савва снова и снова лихорадочно вспоминал этот термин. Что-то знакомое, но никак не ухватить, что конкретно...

– Вы, я вижу, в каком-то затруднении, молодой человек? – проскрипела бабуля. – Не вижу повода. Задачу решили, смотрю, всё правильно, а теорию как рассказать, выходит, не знаете?

– Как не знаю? – вскинулся Савва. – Чего проще. Тут ионы, тут вот катионы, молекулярный вес, электронная оболочка, заряд ядра.

– Вот именно, – засмеялась тихим старческим смехом экзаменаторша. – И ионы, и катионы есть, а ённой теории не знаете.

И тут до Саввы дошло: «ионная теория» – бабуля переименовала слова на старый лад, так что Савва не смог сначала и распознать.

– Теория диссоциации ионов?

– Вот именно! – радостно заулыбалась старушка. – А то «не знаю...»

– Да я не так вас понял, – стал оправдываться Савва.

Но бабуля уже не слушала его, что-то пометила в своём листке, потом взяла его экзаменационный листок, поставила оценку.

– «Хорошо» ставлю вам.

Савва опешил:

– А если не хватит для проходного балла? Лучше задайте мне ещё вопрос... – начал было просить Савва.

Но бабуля его перебила:

– Молодой человек, это незачем делать. Вы набрали достаточное количество баллов, и я вас поздравляю с поступлением в наш институт.

– Спасибо... – ошеломленный таким исходом дела ответил Савва. – А разве...

Он хотел спросить, что разве на последнем экзамене определяют, поступил или нет, но постеснялся и замолчал.

– Спасибо ещё раз, – сказал Савва, вставая с места.

– На «отлично» химию никто не знает, так говорил мой учитель Дмитрий Иванович. «Хорошо» – это высшая оценка, которую я ставлю студентам и абитуриентам.

Савва кивнул головой, мол, что всё понял, и вышел из зала. На улице, как всегда, на него накинулась толпа ещё не сдавших экзамен абитуриентов и их родителей: что да как, какая отметка? Савва равнодушно отвечал, на ходу думая, почему же бабуля поздравила его с поступлением? Тут он увидел знакомую грузинку с подругой – те что-то спешно дочитывали в учебнике, гортанно споря друг с другом. Увидев Савву, молодая горянка улыбнулась ему, как старому знакомому.

– Сдал?

– Сдал.

– На что?

– На «хорошо».

– Молодец. А мне ещё надо сдавать...

– Ни пуха... – приободрил её Савва.

– К чёрту, к чёрту, – резко ответила подружка, снова уткнувшись в учебник.

Савва облегчённо вздохнул, казалось, что гора свалилась с его плеч. Он их расправил, глубоко вдохнул тёплый и влажный ленинградский воздух и пешком пошёл к трамвайной остановке. Сел на двадцать восьмой трамвай, который, качаясь из стороны в сторону и гремя на стыках, медленно, но верно покатило его к Московскому вокзалу.

Савва решил купить билет и сегодня же поехать домой. Так ему всё надоело, так он устал от этой экзаменационной гонки, что уже ничего не хотел. Никакой радости он не испытывал, только облегчение, усталость и пустоту...

Глава 5. Человек предполагает, Господь располагает

С этими воспоминаниями Савва Николаевич почти доехал до N-ска, не замечая, как проносилась мимо него дорога, автомашины, люди в них, деревья, стоящие на обочине трассы.

«Господи! Словно всё было вчера!» – проговорил сам себе Савва Николаевич.

– Что вы сказали? – спросил молчавший всю дорогу водитель.

– Да я так, вспомнил былое, в прошлом захотелось побывать, хоть мысленно в юность окунуться.

– А-а-а, – разочарованно протянул водитель. – Не хотите перекусить чего-нибудь?

– Это ты верно заметил, притормози. Свежий пирожок нам не помешает. Только я боюсь: чёрт знает из чего их готовят. Ты-то опытный водила, давай, действуй, – скомандовал Савва Николаевич.

– Это я быстро! Вон там, около Якиманки тормозну: лучшее кафе на всей трассе. Главное, там всегда всё свежее и вкусное, а цены, вы просто не поверите, гроши.

– Вот именно, не поверю. Потому что за гроши никто сейчас работать не станет.

– И я удивляюсь, но факт...

И водитель ловко подрулил к стоящему чуть поодаль от трассы, неприметному с дороги кафе. Они вышли из машины. Вкусно пахло свежее испечённым хлебом и жареным шашлыком.

– Ну, вот мы и на месте. Что будете есть? – осведомился у Саввы Николаевича шофер.

– Да ничего. Выпью чашечку кофе и можно какой-нибудь горячий бутерброд. А ты поешь по всей программе, я заплачу.

В кафе оказалось на редкость тихо и уютно. Заказав себе чашку кофе со сливками и бутерброд с сыром, Савва Николаевич пошёл к столику, чтобы перекусить. И в это время с ним случилось непредвиденное: острая боль пронзила всё его тело, от пяток до кончиков волос.

«Господи! Что это со мной?» – подумал Савва Николаевич, так и не успевший сесть за столик. Чашка с кофе выпала из руки и со звоном разбилась о каменный пол.

– Вам плохо? – подскочил шофер. – Может, на свежий воздух?

Савва Николаевич побледнел, капельки холодного пота выступили на лице.

– Да, давай на воздух, Паша. Нехорошо мне что-то, – тихо проговорил Савва Николаевич.

Паша подхватил его под руку и медленно вывел на крыльцо. Свежий воздух и отступившая вдруг куда-то боль сделали свое дело: Савва Николаевич почувствовал себя лучше, постепенно приходил в себя.

– Я вон там, под навесом, посижу, а ты иди, обедай, я подожду.

– Может, кофе и бутерброд сюда принести? – спохватился Паша.

– Нет, не надо, не хочу.

– Видно, кто-то сглазил вас, – сделал заключение шофер, суетясь около шефа.

– Ты, Паша, не дергайся. Иди, иди, обедай. Да, вот возьми деньги, заплати за всё и за разбитую чашку.

Савва Николаевич достал тысячную купюру из портмоне и подал водителю.

– Хватит?

– Да вы что! Конечно. Я же вам сказал, что цены здесь меньше некуда... – начал было Паша.

Но Савва Николаевич остановил его жестом:

– Понял я, понял.

– Ну, так я пошел? Мигом перекушу и в дорогу.

Пока Пашка обедал, Савва Николаевич дошёл до машины, ходил около неё. Боль отступала, но страх остался. Савва Николаевич так и не понял, что же с ним случилось. Может, и

впрямь сглазили. Но кто? Не буфетчица же с рябоватым деревенским лицом и серо-голубыми глазами. Нет, что-то не то. Но что?

Так и не найдя ответа, Савва Николаевич сел в машину, боясь шевельнуться – мало ли что, опять ударит. Но боль постепенно утихла, и он решил, что это какой-то нерв, зажатый в межпозвоновом пространстве при неловком повороте в кафе. Вскоре подошёл Пашка, внимательно посмотрел на Савву Николаевича и, увидев, что тот в порядке, весело пошутил:

– Дешёвый обед не для вас!

Положил сдачу на верхнюю полку бардачка и спросил:

– Едем?

– Пора, – ответил Савва Николаевич.

В дороге, уже почти при въезде в город, машину сильно тряхнуло на ухабе. И затихшая было боль вновь обожгла Савву Николаевича.

«Вот чёрт! Никак опять?» – одними губами выдохнул он из себя.

– Давай, Паша, дуй прямо в областную больницу, – и, сжавшись в комок от боли, Савва Николаевич застонал.

Как доехали до приёмного покоя, Савва Николаевич не помнил. Кажется, боль притупила его сознание и способность разумно мыслить. Ничего, кроме дикой боли, он не чувствовал. В приёмном покое медсестра долго искала дежурного врача. Как выяснилось, он безмятежно спал в своём рабочем кабинете, приняв изрядную долю алкоголя.

Наконец дежурного врача нашли. Мятый, с заспанным лицом, он подошёл к Савве Николаевичу, скорчившемуся от боли.

– Что у вас? – спросил врач, щупая пульс на руке Саввы Николаевича.

– Не знаю, – тихо выдавил из себя тот.

– Болит где?

– Везде...

– Понятно, – вяло отреагировал на ответ дежурный доктор и, приняв наконец решение, чуть заикаясь, проговорил, – давайте на рентген, может, где-то что-то защемило. Так при грыжах бывает, особенно при позвоночных.

– Может его уролог пусть посмотрит? – встряла в разговор опытная медсестра.

И тут Савву Николаевича осенило: камень! Камень в мочеточнике! Как же он сразу не сообразил?

– Господи, давайте уролога! – громко, не сдерживая больше себя, выкрикнул Савва Николаевич.

– Да вы не распоряжайтесь здесь, больной. Кого вызывать решаю я, – раздражённо ответил дежурный врач.

– Да как вы смеете мне так отвечать?! Я профессор Мартынов, – сам не свой от боли, вскрикнул Савва Николаевич.

И тут только до дежурного дошло, что перед ним известный всему городу Савва Николаевич Мартынов. В этом полумрачном помещении приёмного покоя можно было мать родную не узнать, не то что своего коллегу. «Вот влип!» – подумал дежурный врач, и стараясь как-то замять инцидент, согласен был на всё.

– Извините, Савва Николаевич. Сейчас будет уролог, и если надо, других дежурентов приглашу, консилиум, так сказать, организуем.

В это время на «Скорой помощи» привезли пьяного бомжа, избитого в кровь. Носилки с ним поставили рядом с Саввой Николаевичем. Бомж орал какие-то песни и нёс всякую околесицу.

– Вы что, издеваетесь надо мной?!

И, уже не помня себя от боли, Савва Николаевич выскочил из приёмного покоя в коридор больницы.

– Дайте мне обезболивающий укол! – стал он требовать, толкаясь в закрытые двери. – Сделайте мне что-нибудь обезболивающее!

Но в коридоре никого не было. Санитарка в грязном халате равнодушно махала мокрой тряпкой по искусственному мраморному полу. Все давно привыкли к подобным сценам и никак не реагировали на них. В этот момент в коридор не вошла, а ворвалась жена Саввы Николаевича, Людмила Сергеевна.

– Господи, Савва! Что случилось?

Она подбежала, обхватила Савву Николаевича руками и прижала к себе.

– Тебе больно, Савва? Потерпи. Я уже вызвала бригаду «Скорой помощи». Они на подъезде. Дозвонилась до главного врача, он тоже будет здесь с минуты на минуту...

Глядя на бледное, искажённое болью лицо мужа, Людмила Сергеевна не знала, чем ещё помочь, стала давать ему таблетки но-шпы и анальгина.

– Прими, Савва, может, полегче будет, – просила она.

Савва замотал головой:

– От этих не будет. Нужен наркотик, и как можно скорее, иначе я сойду с ума.

В это время в коридор вбежала бригада «Скорой помощи». Врач, молодой парень, ученик Саввы Николаевича, решительно подошёл к профессору:

– Пойдемте в смотровую, Савва Николаевич, сейчас сделаю укольчик и вам будет легче.

Он осторожно повёл Савву Николаевича за собой. Осмотрев пациента и подтвердив диагноз мочекаменной болезни, доктор сделал инъекцию морфина, потом ввёл ещё какие-то средства, расширяющие мочеточник. Через несколько минут Савва Николаевич почувствовал приятное тепло, и боль стала стремительно покидать его тело. Жена сидела на стуле напротив и плакала.

– Перестань, Людмила, – обратился Савва Николаевич к жене. – Видишь, всё прошло. А как ты узнала, что я здесь?

– Водитель твой, Паша, позвонил, спасибо ему, за мной приехал...

Доктор со «Скорой», измерив давление и пощупав пульс у больного, собрал свой чемодан и, отозвав в сторону Людмилу Сергеевну, стал что-то ей объяснять.

– О чём шепчетесь? Верно, обо мне? Говорите, чтобы я слышал, – возмутился Савва Николаевич.

Вошёл дежурный уролог, с которым Савва Николаевич был знаком. Выяснив все подробности случившегося, он незамедлительно вызвал по телефону дежурного узиста.

– Вам нужно УЗИ сделать, посмотреть, где застряли камни и сколько их идет по мочеточнику.

Савва Николаевич согласился.

– Это можно, пусть делают...

Врач со «Скорой» попрощался и ушёл. А в смотровую вслед за ним влетел главный врач, полная миловидная женщина в очках, лет сорока с небольшим. Они хорошо знали друг друга. Ирина Николаевна, так звали главного врача, без предисловий решила взять инициативу в свои руки.

– Савва Николаевич! Вам срочно следует переодеться и лечь в урологическое отделение. Отдельную палату вам уже готовят. Сейчас подъедет заведующий, Наум Ильич, соберет консилиум и будем решать, что делать дальше. Не исключено, что потребуются оперативное вмешательство. С камнями не шутят. Да вы и сами всё прекрасно знаете.

Выпалив всё на одном дыхании, Ирина Николаевна замолчала, оглядываясь вокруг.

– А где дежурный врач? Константин Олегович, – обратилась она к урологу. – Кто сегодня дежурный по приёмному покою? Почему его здесь нет?

Уролог, средних лет мужчина, в длинноватом для его фигуры халате с засученными, как у всех хирургов, по локоть рукавами, неохотно ответил:

– Там бомжа привезли, с травмами. Он занимается...

– Травмой пусть занимается хирург. А кто дежурит-то? – ещё раз переспросила Ирина Николаевна.

– Паклин Василий Павлович, – ответил уролог, пряча глаза от очкастого начальника.

– Ясно... Сейчас разберусь.

И она, ни от кого не дожидаясь ответа, решительно вышла, хлопнув дверью. В тесной смотровой стало заметно просторней.

– Строгий у вас начальник, – подал голос Савва Николаевич.

– Правильно, такой и должен быть руководитель, а не тютя-матютя, – вмешалась Людмила Сергеевна. – Это что за порядок, когда дежурный врач пьян и от него перегаром за километр несёт, – стала распаляться она.

Савва Николаевич потянулся через стол, взял в ладонь руку Людмилы Сергеевны и слегка сжал её.

– Не надо, не сейчас...

– Ладно...

Людмила Сергеевна несколько раз гневно сверкнула зеленоватыми глазами уже в сторону уролога:

– Константин Олегович, вас так ведь зовут?

Тот кивнул головой.

– А что же, у вас в смотровой для заслуженного врача не нашлось чистой простыни? Почему осматривали моего мужа на какой-то грязной клеёнке?

Уролог засмутился ещё больше.

– Она стерильная... – начал было оправдываться он. – Знаете, в больнице не хватает средств на мягкий инвентарь, поэтому дефицит простыней, пелёнок.

– Но профессор, наверное, заслужил, чтобы при любом дефиците для него нашлась бы хоть одна чистая простыня? Мне так кажется, – Людмила Сергеевна решительно встала со стула, – что у вас дефицит совести и милосердия.

Сказав это, она стремительно вышла из смотровой. Оставшись один на один с урологом, который грустно и нелепо для данной ситуации улыбался, Савва Николаевич спросил:

– Константин Олегович, а можно без операции обойтись?

– Можно, конечно. Смотря где камень застрял. Если в устье, то плохо, если по ходу мочеточника, может пройти сам. Только нужно время, хороший гидроудар.

– Это что такое? – не понял Савва Николаевич.

– Ну, выпить много жидкости и попрыгать, скажем, через скакалку.

– Вы шутите?

– Нисколько. Не вы первый, не вы последний. Риск, конечно, есть, особенно если вторая почка не работает или камни в оба мочеточника попали. Тогда без операции точно не обойтись.

– Понятно.

Савва Николаевич встал, прошёлся по смотровой, попробовал подпрыгнуть. Боли не было.

– А может, камень уже прошёл? – спросил он уролога.

– Может. Сейчас узист приедет, посмотрит. Чего гадать, Савва Николаевич?

В дверь постучали, и вошла молодая, румяная от свежего воздуха женщина.

– Здравствуйте! Кто на УЗИ? Пойдёмте со мной.

– Здравствуйте. Это я ваш пациент. Ведите.

– Сами идти сможете? – задал подстраховочный вопрос уролог.

– Смогу, конечно.

– Ну хорошо, идёмте, – ответил тот.

И они все вместе вышли из смотровой. В кабинете УЗИ, на удивление Саввы Николаевича, была его жена, Людмила Сергеевна. Она застилала кушетку белоснежной простынёй с большим больничным штампом.

– Всё готово, – сказала она. – Всё чисто, протёрто спиртом. Можно начинать. А я пойду подожду результаты в коридоре.

Молодая узистка оказалась опытным специалистом. Она долго вертела Савву Николаевича из стороны в сторону.

– Ну что там? – поинтересовался Савва Николаевич.

– Смотрите сами, – ответила доктор, показывая на монитор УЗИ. – Вот он, ваш злополучный камень, наделавший столько шума.

Она обвела указкой на дисплее аппарата пульсирующий сгусток свечения.

– Этот, что ли? – переспросил Савва Николаевич.

– Он самый!

– Что-то не похоже на камень.

– Ну да! Самый настоящий, только это не рентгеновское изображение на плёнке. То более контрастное и стабильное. А при ультразвуковом исследовании всё пульсирует, все органы работают, движутся. Поэтому изображение такое расплывчатое, – объяснила доктор.

– Понятно, – ответил Савва Николаевич.

– А в устье что-нибудь есть? – задал он волновавший его вопрос.

– Там всё чисто.

– Хорошо...

– А второй мочеточник как выглядит? – подал голос уролог.

– Там тоже без патологии.

– Отлично! Спасибо, Ольга Казимировна. Извини, что пришлось тебя потревожить, – уролог виновато улыбнулся.

– Да всё в порядке, у нас работа такая, – ответила узистка, помогая Савве Николаевичу встать с кушетки и одеться.

В дверь заглянула жена:

– Можно?

– Входите, входите, Людмила Сергеевна, – любезно пригласил её уролог.

– Какой результат? Что с почками и камнем? – первым делом спросила Людмила Сергеевна.

Ольга Казимировна внимательно посмотрела прямо на жену известного профессора и поняла, что с ней лучше говорить честно и прямо.

– В почках много камней разного калибра, от песчинок до полусантиметра. Один из камней пошёл и находится сейчас в левом мочеточнике, где-то на полпути к мочевому пузырю. Размер примерно четыре-пять миллиметров, крупный.

– Надежда есть, что он выйдет сам? – обратилась Людмила Сергеевна уже к урологу.

– Есть, конечно; мы на эту тему с Саввой Николаевичем переговаривали.

– Понятно. Спасибо за обследование, – поблагодарила она Людмилу Казимировну. – Простыню пусть ваша медсестра завтра сдаст сестре-хозяйке больницы, я её под честное слово взяла у дежурного персонала.

– Хорошо-хорошо. Вы не беспокойтесь, сделаем всё как надо. Это вы нас должны извинить за неудобства, причинённые вашему мужу и вам. Но что мы можем? Только просить... – и Ольга Казимировна развела руками. – Расходные материалы к аппаратуре и бланки для заключений покупаем на собственные деньги.

– Да понятно всё, – Савва Николаевич решил прервать этот неприятный разговор, зная дотошный характер жены.

Хотя она, по большому счёту, права на все сто процентов.

– Ну что ж, давайте определяться, где и как вы будете лечиться, – вступил в разговор уролог. – Я предлагаю госпитализацию в наше отделение и там уже в спокойной обстановке решать, что делать дальше в зависимости от того, как поведёт себя камень.

Но Савва Николаевич, здраво оценив ситуацию, уже принял решение:

– Коллега, спасибо вам за все ваши хлопоты, но я еду домой.

– Как домой? – удивлённо спросил Константин Олегович. – А если снова боль? Опять «скорую» вызывать? Нет, так не пойдёт. Да и не могу я вас с таким диагнозом отпустить, – заупрямился уролог.

– Савва, ты что, действительно хочешь ехать домой? – переспросила жена.

– Да, и немедленно. Я устал, мне нужно отдохнуть, побыть с самим собой. У меня только просьба, выпишите рецепт на обезболивающие инъекции, а выполнить их моя жена сможет, даже в вену. Она когда-то делала это очень хорошо.

– Савва, не пори горячку. Может, всё же останешься, полежишь, хоть до утра? А там видно будет, проконсультируешься с коллегами? – попыталась убедить мужа Людмила Сергеевна.

– Нет и ещё раз нет. Здесь я не останусь. Где история болезни: напишу расписку, что отказываюсь от госпитализации добровольно.

Константин Олегович протянул историю болезни. Савва Николаевич быстро и размашисто что-то написал, расписался и отдал карточку урологу.

– Всё, я поехал.

Уролог протянул бланки рецептов:

– Раз так решили, держать вас я не могу. Что передать начальству?

– Я сам позвоню, а на словах поблагодарите за беспокойство.

Взяв жену под руку, Савва Николаевич направился к запасному выходу.

– Не туда. Нам надо обратно, Савва, – запротестовала жена.

– Туда-туда. Я что, первый раз в этой больнице?

Подойдя к запасному выходу, он открыл защелку, и дверь спокойно отворилась. Свежий воздух упруго ударил в грудь.

– Закройте за нами, – попросил он уролога, шедшего рядом.

– Да, конечно, не беспокойтесь. Если что – звоните мне сюда, я дежурю всю ночь; номер телефона я оставил на рецептурном бланке.

– Спасибо, Константин Олегович. Может, всё пройдет. Ну, а если что, прибуду к вам опять.

Они попрощались и подошли к машине, которая терпеливо ждала всё это время у дверей приёмного покоя.

– Паша, домой, – скомандовал Савва Николаевич.

– Есть домой, – ответил Паша, нажимая педаль газа.

Машина резко рванула с места и укатила в темноту августовской ночи.

Но как бы ни сопротивлялся Савва Николаевич, лечь в больницу ему всё же пришлось. Камень застрял в мочеточнике так крепко, что никакие ухищрения не помогли ему выйти. В этой ситуации консилиум вынес решение – госпитализация обязательна.

Савва Николаевич и сам понимал, что без помощи врачей ему одному с болезнью не справиться. Он уже привык и как-то сжился с болью. Но ходить каждые полчаса в туалет было выше его сил. Он сдался и лёг в стационар элитной больницы, бывшей медсанчасти, в которой долгие годы работал консультантом. Ему отвели отдельную, хорошо обставленную палату. От телевизора он напрочь отказался, велел жене привезти книги, шофер каждый день доставлял свежие газеты.

Любимыми газетами у Саввы Николаевича были две – «Аргументы и факты» и газета «Завтра». Несмотря на их зачастую противоположные точки зрения по одному и тому же

вопросу, они имели и нечто общее: давали частенько широкую информацию по проблеме. Правда, позиции их существенно отличались, но, собственно, ради этого Савва Николаевич и читал любимые газеты.

Заниматься научной работой он не мог. Вводимые лекарства, в том числе обезболивающие и, видимо, снотворные, делали своё дело: боль отступала, а сонливое состояние оставалось весь день. Работать в таких условиях было невозможно, зато воспоминания о прошлом роем вились в голове Саввы Николаевича, не оставляя места ничему другому.

К нему приходили коллеги, навестил мэр и некоторые его замы, приходили дети и просто знакомые. Но ничего из того, о чём они говорили, не оставляло в его памяти ни малейшего следа. Савва Николаевич даже боялся вспоминать обо всех визитах, потому что, к ужасу своему, ничего не помнил.

Зато прошлое просто и ненавязчиво приходило к нему. Ночью во сне или наяву среди белого дня. Савва Николаевич не понимал, почему так, но волна воспоминаний захлестывала. Ему не оставалось ничего другого, как подчиниться своей памяти. Его душа ликovala, когда он видел себя молодым, энергичным, полным замыслов и надежд. Главное, что он ничему и никому тогда не завидовал: ни начальникам с персональными машинами, ни работникам торговли в пыжиковых шапках и норковых пальто, никому другому с богатством и достатком.

Он был самодостаточным. Ему хватало того, что он имел: крепкое здоровье, неуёмную тягу к знаниям и глубокую веру в своё блестящее будущее. А больше ему ничего и не надо было. Так он был воспитан с детства: ничего чужого, только своё.

Эта жажда свободы переполняла его, хотелось с кем-то поделиться, но вокруг не было никого, кто мог бы проявить хоть каплю интереса к его прошлому. И от этого Савве Николаевичу становилось грустно и вспоминались слова Лермонтова: «И некому руку подать в минуту душевной невзгоды...». Юность, молодые годы проходили очередной круг – теперь уже в его памяти, высвечивая всё: и хорошее, и плохое. Прошлое не вернуть, но побывать в нём может каждый. Стоит только захотеть. И вот оно развернулось перед Саввой Николаевичем.

Глава 6. Брат мой Лёшка

Просто и легко, словно по мановению волшебной палочки, Савва Николаевич каждый день отправлялся путешествовать в своё прошлое. Вот он, Савва Мартынов, стоит на большом красивом ковре посреди огромного актового зала института, а перед ним сидят ректор и профессора. Ему вручают студенческий билет и направление в общежитие. Среди сидящих он узнаёт только бабулю, которая принимала химию. Она улыбнулась, увидев Савву, и что-то тихо прошептала на ухо ректору. Тот внимательно взглянул на новоиспеченного студента и тоже улыбнулся:

– Ну что, молодой человек. Поступить в наш институт нелегко, но ещё труднее учиться. Успехов тебе, – и ректор пожал руку Савве.

Савва вышел счастливым. Он добился своего. Он – студент! Вот и новенький студенческий билет, ещё пахнувший типографской краской, с фотографией его, Саввы Мартынова. В билете четко написано, что Савва – студент такого-то медицинского института.

Радостью хотелось поделиться. Но с кем? С тётушкой? С её вечным занудством и недовольством всем и вся – не получится. Позвонить Нике? Но у неё нет телефона. С кем ещё? А что, если найти брата? Дело непростое, но можно попытаться. Савва знал, где прописан и живёт его брат Леонид – Лёшка Би, как звали его друзья. Но каждый раз, когда Савва заезжал к нему, дома кроме его жены Гали никого не было. А на вопрос, как найти брата, она пожимала плечами, мол, ищи ветра в поле...

Галина или Галка, как звал её брат, была красивой молодой женщиной со спортивной фигурой, чёрными как смоль глазами и пышной шевелюрой таких же чёрных кудрявых волос. Савва всё удивлялся брату: такая красивая эффектная женщина, а вместе не живут. Но осуждать брата он не брался. Савва почти ничего о нём и не знал по-настоящему.

Родился Лёшка в годы войны, когда отец приезжал на короткие отлучки с фронта домой. Рос, как все военные дети: полуголодный, раздетый, разутый и без всякого контроля со стороны взрослых. Матери едва хватало сил, чтобы прокормить двоих ребятишек: старшего брата Саввы, переболевшего ещё до войны менингитом, неизлечимой тогда болезнью, и на всю жизнь оставшегося инвалидом, и Лёшку. Бездотцовщина определяла и поведение мальчишек военного времени: рано начинали курить, материться, а если что плохо лежало – воровать. Постоянный голод был главным двигателем их поступков.

Ребята играли в карты, пытались выиграть друг у друга кусок чёрствого хлеба, или дрались из-за него смертным боем. Но чаще всего они шастали вдоль эшелонов с солдатами, прося чего-нибудь съестного. Добрая душа русского солдата не могла без содрогания видеть этих голодных, в рваной, не со своего плеча одежде, детей войны. Они отдавали все свои пайки, вспоминая своих ребятишек, оставленных бог знает где и с кем. Пробраться к эшелонам было трудно: не пускала охрана и местная милиция. Но когда мальчишкам удавалось дойти до солдат, они возвращались домой счастливыми, с едой на целую неделю для всей семьи. Да и после войны разруха и голод ещё долго витали над страной-победительницей.

Отец определил его на учебу в железнодорожную школу, где потом учился Савва. Но Лёшка учился кое-как, оставаясь в одном классе по нескольку раз. С большим трудом он окончил семилетку, но в следующие полгода учебы посетил занятия не более двадцати раз, за что и был с треском отчислен. Полгода катался на поездах: летом на крыше, а зимой в теплушках с солдатами. Воровал при случае на вокзалах всё, что попадало под руку, играл в карты с такими же, как он, подростками и без конца дрался.

Природа наделила его необычайной силой и выносливостью. Как-то, ещё на школьных соревнованиях, он так далеко метнул гранату, что учитель физкультуры, однорукий Степан

Ефимович, даже не поверил и попросил кинуть ещё раз. Лёшка опять так далеко зашвырнул снаряд, что, измерив расстояние, Степан Ефимович озадаченно крикнул:

– У нас в армии мужики так не кидали.

И наградили Лёшку Почётной грамотой. На районных соревнованиях Лёшка легко занял первое место и получил приз – настоящий кожаный футбольный мяч. Уж тогда слава к Лёшке пришла невероятная. Но на областные соревнования он не поехал, не захотел и всё тут. Сбежал с друзьями в поход на поиски оружия. Вот тогда-то у Лёшки и появился немецкий пистолет «Вальтер», который потом, через много лет, помог Савве.

Прозвище «Лёшка Би» он получил за постоянный клич в драке: «Бей интервентов!». Когда-то, в каком-то ещё довоенном кино, он услышал этот боевой призыв. Клич ему очень понравился и стал у Лёшки любимым выражением. В драке, когда Лёшка кричал во всю мощь своих лёгких «Бей интервентов!», эти два слова сливались в одно «БИ!». Так и родилось у брата прозвище Лёшка Би.

Но скоро вольница закончилась. Лёшку поймала железнодорожная милиция на одной из станций под Ленинградом и завела дело «за бродяжничество». Запахло детской колонией, но отец, к тому времени Почётный железнодорожник, поехал на выручку непутёвого сына. Лёшку отпустили на поруки родителей, но потребовали, чтобы его непременно отдали учиться в ФЗУ или в школу рабочей молодёжи. Отец подумал и послал сына учиться в школу при том заводе, где когда-то работал бригадиром его погибший на войне брат Григорий Мартынов. Школа называлась «Трудовые резервы» и считалась одной из лучших в Ленинграде. Готовила она специалистов разного профиля, но, зная характер сына, отец выбрал для него специальность монтажника-высотника. И это спасло брата. Он так увлёкся своей будущей профессией, что забросил всё своё хулиганство, занялся спортом и вскоре стал известным на весь завод спортсменом-волейболистом. После выигрыша первенства Ленинграда среди юношеских команд его портрет появился в заводской газете-многотиражке

Казалось, хулиганская жизнь Лёшки осталась в прошлом. Но тут случилось непредвиденное. Лёшка влюбился. Да не просто, а, как говорят, втрескался по самые уши. Его избранницей стала дочь главного инженера завода Элла Берзнева. Красивая светская львица, как сказали бы сейчас, была старше Лёшки года на три. Она стала для Саввиного брата чем-то вроде иконы для верующего. Он смотрел на неё и не мог отвести взгляд.

Познакомились они совершенно случайно. Но, по выражению великого физика-теоретика Эйнштейна, «где пересекаются две случайности – возникает необходимость». Случайностей в Лёшкиной жизни было предостаточно. Случайно выжил в военное лихолетье, случайно не упал с крыш вагонов, когда перескакивал с одного на другой на полном ходу поезда, случайно попал на этот завод, случайно занялся спортом. И уж совершенно случайно они встретились с Эллой на заводских соревнованиях.

Элла занималась спортивной гимнастикой вместе с Наташей Кучинской, будущей олимпийской чемпионкой, и имела хорошие шансы стать известной спортсменкой. Но в отличие от подружки Наташи, которая ради спорта ограничивала себя во всём и сидела на полуголодной молочной диете, Элла ни в чём себе не отказывала. Дочь главного инженера крупнейшего в стране завода могла позволить себе многое: ездить на служебном отцовском ЗИМе, ходить зимой в натуральной белоснежной мутоновой шубке, носить только-только входящие в моду длинные сапожки-чулки и, уж конечно, кушать что захочется.

Элла не была красавицей. У неё были стриженные белокурые волосы, невысокая точёная фигурка, но, главное, карие глаза, которые лучились и играли искорками на свету. Они, как бесценные бриллианты, завораживали и мужчин, и женщин. Элла чем-то неуловимым была похожа на знаменитую американскую актрису Мэрилин Монро. Вышедший на советские экраны фильм с участием этой актрисы «В джазе только девушки» Лёшка посмотрел с десятков раз. И тут, на тебе, Элла случайно с подружкой заходит в спортзал, где идут городские сорев-

нования по волейболу, и видит оторопевшего при её появлении Лёшку. Он впери́лся в неё глазами, не зная что делать. В руках у него был мяч. Лёшка готовился к подаче, которая обычно выходила у него просто мастерски. Но тут он как-то вяло подкинул мяч и мягко шлёпнул по нему ладонью. Описа́в дугу, мяч опустился прямо в сетку. Болельщики взвыли в один голос, и раздался такой свист, что Элла заткнула уши. Крики «Мази́ла!» привели Лёшку в себя, и он заиграл так, как играл всегда: дерзко и неожиданно для противника. При росте чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров Лёшка выпрыгивал над сеткой на половину груди и удар за ударом вгонял мячи в поле соперников.

Болельщики ликовали:

– Давай, Лёха! Дави студентов!

И Лёха давал. Вновь оказавшись на подаче, он решил выполнить её нетрадиционным методом, когда мяч подбрасывают над головой и бьют по нему ладонью с таким расчётом, чтобы он на большой скорости проходил в миллиметрах над сеткой и принять его противнику составило бы большого труда. На этот раз Лёшка применил совершенно иной способ, который он давно разучивал на тренировках, но на официальных соревнованиях ещё не применял. Тренер строго запретил: нельзя срывать подачу, а риск ошибки при новом способе возрастал во много раз. Но и эффективность была впечатляющей. Если подача удавалась, то взять её было невозможно. И Лёшка рискнул, хотя при равном счёте от этой подачи зависело всё. Он стремительно разбежался, не добегая до кромки поля, подкинул мяч высоко вверх и что есть силы ударил по нему правой сжатой в кулак рукой. Пушечный удар потряс противников. Они даже не поняли, что это подача. Мяч ударился об пол на поле соперников и отскочил в стену. Зал взорвался бурей оваций. Элла, не любившая силовые виды спорта, была поражена мощью и изяществом, с какими действовал этот странный паренёк с неспортивной фигурой.

– Bravo, bravo! – похлопала в ладоши Эллочка и бросила взгляд на счастливо улыбавшегося Лёшку.

Их глаза встретились. Элла опустила ресницы и, чуть усмехнувшись, вышла из зала.

После этого Лёшка стал ходить на все соревнования, где выступала Элла, но она словно не замечала его, делая вид, что ей безразлично появление ещё одного поклонника. Одним больше, одним меньше... Но Лёшке было не всё равно. Он понимал, чтобы добиться взаимности, нужно быть по крайней мере на её уровне: хорошо и модно одеваться, ездить на такси, носить импортные спортивные костюмы, ходить в кафе и рестораны. Но для этого нужны были деньги, огромные деньги. Лёшка ещё не понимал, что внешние атрибуты светского лоска не решают главной проблемы – неравенства не столько социального, сколько духовного. Она – избалованное дитя элиты советской интеллигенции, а он – уличный мальчишка, едва окончивший семилетку. Брат считал, что сто́ит ему так же хорошо одеваться, посещать дорогие рестораны, модные спектакли и выставки в Эрмитаже, и он встанет в один ряд с Эллой и её друзьями.

Это заблуждение ему дорого стоило. Нужны были деньги, и Лёшка раздумывал, где бы их взять. Воровать он не хотел, считая это не мужским да и нечестным делом. Но как честно заработать много денег? Он долго ломал голову и решил – игра в карты, вот что его спасёт. Ура! Лёшка аж подпрыгнул от радости, когда наконец-то нашёл возможный источник дохода. Сомнений в том, что он выиграет много-много денег, у Лёшки не было. В карты он играл преотлично: в «Очко», «Петуха» и даже интеллигентный «Покер».

И вот опыт беспризорного детства оказался востребованным. Лёшка стал играть. Нет, ему было ещё далеко до пушкинского Германа, но игра пошла. Сначала нашлись игроки в общаге. Старшие ребята, которые делали небольшие ставки на деньги. Потом оказалось, что и комендант общежития равнодушен к игре. В общем, для Лёшки круг желающих сыграть быстро расширялся. Копеечные выигрыши постепенно переросли в рублёвые, а затем ставки пошли на червонцы. У Лёшки появилась первая «честно» выигранная сотня рублей. И он решил, что пора выходить в город, где играют действительно на приличные деньги.

Помог комендант, который проиграл как-то Лёшке всю получку. Лёшка вернул ему деньги, но потребовал свести с настоящими игроками. Тот, критически осмотрев Лёшкину одежду, ответил:

– В таком виде тебя туда не пустят.

– Ладно, помоги купить что надо, – согласился Лёшка.

Как-то вечером они направились в Кировский универмаг, и Лёшка на глазах изумлённого коменданта преобразился. Вместо привычного чёрного из грубой холщи костюма с рубашкой навыпуск, подпоясанной ремнем с белой металлической бляшкой и буквами «ТР» («Трудовые резервы») на ней, Лёха выбрал темно-красный костюм с искрой, ярко-голубую рубашку с галстуком «бабочкой». Чёрные рабочие ботинки были безжалостно заменены на новые длинноносые туфли. Из примерочной вышел молодой симпатичный парень, в котором Лёшку можно было узнать с большим трудом.

– Да-а-а... – только и смог сказать комендант. – Вот что хорошая одежда делает с человеком.

– Ты не прав, Никифорыч. Не одежда украшает человека, а человек одежду. Так говорит Монро.

– Кто-кто? – не понял комендант.

– Да это не важно. Так, одна знаменитая киноактриса.

– А-а-а, – снова протянул комендант. – Ну что же, теперь ты настоящий фраер, не стыдно и на люди показаться. Завтра суббота, вот и пойдём.

– Идёт, – согласился Лёшка.

– А деньги-то остались у тебя? – задал вопрос комендант.

– Да что-то около червонца, – и Лёшка стал шарить по карманам.

– Ладно, не суетись. Вот мои полсотни возьми, тем более что я твой должник.

– Спасибо, Никифорыч. Выиграю – отдам, обязательно отдам.

– Отдашь, отдашь, – с какой-то грустью ответил комендант. – Кто бы сумлевался. Не ты первый, не ты последний...

– Ты это о чём? – не понял Лёшка.

– Да так, хочу просто предупредить. Влипнешь в эту самую игру, обратно не выпутаться. Поверь мне, я сам прошёл через это. Потому хочу и тебя упредить. Игра засасывает, как болото. Я едва вылез, детей жалко стало, у меня ведь их четверо, а жёнка инвалид. Вот я и тормознул. Но ты, Лёха, по моим прикидкам, можешь далеко пойти. Божий дар в тебе есть. Играешь легко и главное не мельтешишь, без суеты. Для хорошего игрока это первое дело, спокойно выигрывать и спокойно проигрывать, без мандража. Тут весь секрет. Как только замандражишь, теряется контроль над игрой. Тут и конец тебе. Обыграть такого дело техники. И вот ещё что. Не лезь играть с урками. У них игра без правил. А если что, они тебе перо в спину. Урки, одним словом.

Так наставлял Никифорыч Лёшку, пока они в трамвае возвращались в общежитие.

На следующий вечер Лёшка, одетый в новый костюм, рубашку и туфли, предстал перед компанией разношёрстной публики. Здесь были и пожилые, и совсем молодые мужчины, одетые кто как. Были в костюмах с иголочки, как у Лёшки, были и в потёртых брюках, несвежих мятых рубашках и таких же мятых пиджаках. Но лица у всех были холёные. Главным же для каждого из них были руки: без явных трудовых мозолей, с длинными пальцами и хорошо подстриженными ногтями. Лёшка невольно посмотрел на свои ладони: спасибо Никифорычу, что заставил постричь ногти и вымыть руки до белизны щелочной водой, в которой тот стирал бельё для своей многочисленной семьи. Осмотрев свои ладони, Лёшка остался доволен: пальцы рук чистые и длинные, как и у всех сидящих рядом.

– Знакомьтесь. Алексей, игрок при деньгах. Рекомендую, – поздоровавшись со всеми за руку, представил Лёшку Никифорыч.

– А молоко-то на губах обсохло? – спросил кто-то громко.

Остальные захохотали. Лёшка разозлился и покраснел, так как он не переносил шуток в свой адрес, но сдержался. «Ладно, потом разберусь с этим шутником», – и сделал себе пометку в памяти.

Никифори́ч поднял руку. Все примолкли.

– Я разве кому долг карточный не отдал? Или скурвился? – задал он вопрос.

– Да нет, Никифори́ч. Ты уважаемый между нами мужик. Но зачем ребя́тёнка в наше дело впутывать? Наши законы знаешь: проиграл – отдай. А где он возьмёт? – спросил пожилой мужчина, видимо, старший.

– Этот парень, – Никифори́ч снова поднял руку, – проигрывать не будет. Я ручаюсь за него.

– Это другое дело, – сказал всё тот же пожилой мужичок. – Ну что ж, давай садись да хвастай, во что умеешь играть.

– Во всё, – сипло ответил Лёшка, садясь на подставленный стул.

– Ну что. Для разминки начнём в «Двадцать одно». Кто будет играть, оставайтесь за столом. Кто не хочет, погуляйте, пока аппетит не придёт. Пивка, водочки отведайте. На том столике всё есть, – старший показал на столик, стоящий в углу комнаты. Кроме бутылок пива, водки в графине, вина в больших пузатых бутылках там же была и закуска.

Вкусно пахло свеженарезанной колбасой и винегретом. Лёшка остался сидеть за столом. Несколько человек встали и отошли: кто покурить, кто приложиться к рюмке и перекусить.

Никифори́ч отошёл вместе с другими и направился напрямик к столику с выпивкой и закуской. Налил себе рюмку водки и одним махом выпил, потом ещё одну и ещё. Лёшка сосредоточился и стал внимательно следить за игроками, оставшимися за столом, но главное – за выражением их лиц и руками.

Старший, которого звали Пафнутием, достал совершенно новую колоду карт, распечатал у всех на виду и, перетасовав, дал поднять колоду Лёшке.

– Ну, молодец, сними с дурака кепку, – попросил он шутливо.

Лёшка привычным жестом поднял три карты: это его давнишняя привычка поднимать только три карты, не больше и не меньше. Так проще проследить, чтобы в этот момент сдающий не подсунул свою краплёную карту.

Пафнутий одобрительно кивнул, и игра началась.

– Какие ставки? – спросил кто-то из играющих.

– Как всегда, – ответил Пафнутий, – по чирику.

Все шесть игроков достали деньги и кинули их в общую кучу. Первым брал карты чернявый молодой парень с бегающим взглядом. Он то и дело шарил своими выпуклыми глазами, словно фарами. Взяв вторую карту, пробежал по всем игрокам взглядом и попросил третью. Мельком взглянул на неё и кинул карты на стол – я пас.

Второй, розовощёкий, хорошо одетый гражданин в клетчатом пиджаке, взяв две карты, долго не мог решиться на третью. Он всё смотрел на две взятых и о чём-то сосредоточенно думал.

– Да рожай ты быстрее, Прокопыч, – сказал нетерпеливо ещё один молодой человек в безупречном костюме с галстуком.

– Эх, была не была. Давай третью! – выдавил наконец из себя играющий.

Упавшую перед ним карту Прокопыч долго не брал, всё гадал и гладил её поверхность, не решаясь перевернуть.

– Ну, ты прям как бабу обихаживаешь, – возмутился ещё один, неопрятного вида и сильно мятый мужичок.

Наконец Прокопыч взял карту, долго смотрел на неё: по его лицу побежали розовые пятна разочарования.

– Не моя, – сказал он и кинул карты рядом с собой.

Третий игрок, молодой парень в красивом костюме, взял две карты и, не раздумывая, бросил:

– Играю.

Четвёртый – мятый мужичишка – тоже получил перебор и спасовал.

Дошла наконец очередь до Лёшки. Взяв две карты, Лёшка молча положил их перед собой.

– Играю.

Пафнутый так же молча стал сдавать карты себе. Лёшка, не отрываясь от рук сдающего, зорко следил боковым зрением за молодым парнем в костюме и его картами на столе. Пафнутый, взяв две карты, тихо вздохнул и сказал:

– Пас.

Остались двое: парень в костюме и Лёшка. Парень внимательно посмотрел на Лёшку и решительно произнёс:

– Удваиваю ставку.

Достал и положил в банк шестьдесят рублей. Лёшка всё так же молча достал свои шестьдесят и положил сверху. Парень нервно хихикнул:

– Последние?..

Лёшка ничего не ответил. Он внимательно следил за руками и картами соперника.

– Ну да ладно, открываем. Хватит для первого раза. Девятнадцать!

И быстрым жестом парень открыл карты.

Лёшка молча одну за другой открыл карты: две десятки, трефовая и бубновая.

– Двадцать, мать твою. Твои не пляшут, – подвёл итог Пафнутый, с усмешкой поглядывая на парня в костюме. – Ну, забирай банк, и с почином тебя, – сказал он, пожимая руку Лёшке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.